

Красные камзолы

Автор:

Иван Ланков

Красные камзолы

Иван Юрьевич Ланков

Боевая фантастика (АСТ)

Некие силы отправили молодого Георгия в прошлое. Век восемнадцатый. Могущественные империи вот-вот сойдутся в кровопролитной Семилетней войне. Наш современник забран в рекруты и брошен в водоворот этих событий. Сможет ли он изменить будущее? Совершить подвиг? Например, выжить в рекрутах линейной пехоты восемнадцатого века. Сможет ли он из солдат шагнуть в генералы? А ведь надо не просто выжить. Силы, забросившие Георгия в прошлое, хотят, чтобы он сделал ещё кое-что...

Иван Юрьевич Ланков

Красные камзолы

Автор благодарит Михаила Андреева и Дмитрия Богуцкого за помощь в работе над книгой.

Автор благодарит Эльдара Сафина, Светлану Самченко, Мурата Багжанова и Игоря Будаловского. Без вас я бы так и не начал писать.

© Иван Ланков, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Взрослые, рассказывая о своих приключениях, частенько дают такое объяснение своим поступкам: в то время, мол, я был молод и глуп. С высоты прожитых лет хочется дать такую же оценку многим эпизодам своей жизни. Но они, эти эпизоды, сделали меня таким, какой я сейчас. Каким бы я был, если бы обладал тогда послезнанием? И, главное, стало бы все лучше или хотя бы иначе? Может быть, стало бы. Может быть, я был бы лучше, чем сейчас. Может быть, меньше взял бы греха на душу... Но я даже рад, что у меня не было послезнания. Ведь тогда могло сложиться так, что не я бы пришел в этот мир и в это время, а наоборот, Вселенная прислала бы Стабилизатора по мою душу. Глядя на то, как закончил свои дни Фриц, и сравнивая с тем, как живу сейчас я – нет, пожалуй, не стану гневить Бога. Я прожил так, как прожил. Все мои успехи, равно как и мои ошибки, – это то, что создало меня. Положа руку на сердце – ошибок больше, чем успехов. Но то, что есть, – все мое. Впрочем, обо всем по порядку.

Родился я во вполне благополучной семье. Мать, отец, братья. Трехкомнатная квартира в пяти минутах от метро. Дача, летом отдых на Черном море на целых два месяца – сначала весь отпуск матери, потом отпуск отца. Школа, спортивные секции – футбол, карате, шахматы. Сенсорный телефон с видеосиками на ютубе. Обычная жизнь обычного ребенка, как казалось тогда.

Мне, как и многим подросткам в таком возрасте, до одури хотелось быть особенным, не таким, как все. Хотелось приключений да ярких событий. Таких, знаете, где я на лихом коне, весь в орденах и медалях, с мечом или шпагой, и красавицы чтобы вздыхали и вешались на шею. Но при этом искал способы откосить от армии. Через универ или еще как. Потому что приключения в плаще и на лихом коне – это здорово и благородно, а приключения в камуфляже и на лихом бэтээре – это почему-то не подходило под шаблон героя.

В кругу таких же, как я, длинноволосых юношей, отчаянно старавшихся выглядеть крутыми рокерами, мы рассказывали друг другу страшилки. Про то, что солдаты, мол, в армии плац ломом подметают, и тысячи других отмазок, почему мы туда не хотим. И про то, что год – это много, и что я, мол, за этот год заработаю много денег, и что это даром потерянное время. Хотя в глубине души я прекрасно понимал, что не год, два или три меня пугают, а физические

нагрузки. Там же, в армии, бегать придется каждый день – зарядка, физкультура и спорт. Там не дадут спать до полудня и зависать в интернете. Да и просто поиграть в онлайн-игры не дадут. А у меня клан, рейды и тысяча других очень важных дел, связанных с расстановкой пикселей на экране. Потому армия – это плохо. Хотя с чего бы мне бояться физических нагрузок? На спортивных сборах с футбольным клубом нас два раза в год гоняли так, что семь потов сходило. Но сборы – это что-то понятное и обыденное, на них я ездил, сколько себя помню. Лет, наверное, с семи.

Как и все ребята, с которыми я тренировался, мечтал стать великим футболистом. Зарабатывать много денег. Бегал, иногда даже забивал голы. Но вмешался человеческий фактор: не повезло с тренерами. Они раз за разом ставили меня то в защиту, то на позицию опорного полузащитника. Так-то отобрать мяч и отдать обостряющую передачу для меня в то время не было проблемой. Но где же вы видели знаменитых защитников, зарабатывающих много денег? Отец таким моим заявлениям изумлялся и называл имена кумиров его молодости. Эрик Хаген, Николас Ломбертс, Александр Анюков...

Короче говоря, не сложилось у меня с футболом. Сейчас-то я понимаю, что основная проблема была не в тренерах и не в отце. Просто после нескольких лет занятий я дошел до того уровня, когда для прогресса необходимо заниматься самостоятельно, помимо тренировок. Раз за разом самому повторять упражнения на технику и координацию, повторять финты и трюки с мячом, которым меня учили все эти пять лет. Потому что штатной тренировки по времени хватает только на тактику и сыгранность. А техникой, как и собственной физической формой, надо уже заниматься самому. Бегать по утрам, к примеру. Потому что дворовых ребят на школьном поле я обыгрывал и накручивал легко, с ребятами из клубов третьей лиги городского первенства играл на равных, а вот против парней из высшей лиги, и даже не из Академии, а из обычных клубов вроде «Локомотива» или «Звезды» чувствовал себя бревном и неумехой. Тут уже, чтобы чего-то добиться, надо было жить футболом. С утра и до вечера. К такому я был не готов.

Отец мне говорил, что моя проблема в другом. В том, что для мастерства нужны усердие и самостоятельная работа. Разумеется, я считал, что отец глупый и не понимает мою уникальную и неповторимую личность. Все ищет каких-то простых ответов на сложные вопросы самовыражения. Как же иначе-то?

Да и откуда отцу знать про душевные метания и творческое самовыражение личности? Чего он в жизни добился? Работает на заводе фрезеровщиком. А мать – медсестрой в поликлинике. С чего бы мне прислушиваться к их мнению, ведь у них нет своего бизнеса, нет высшего образования и сверкающей иномарки. Да и айфонов у них нет. И мне пожлобились подарить. Хожу, как дурак, с «Самсунгом»... стыдобища какая. Отец, правда, так и не понял, почему вдруг «Самсунг» – стыдобища. Да и вообще, когда я цитировал что-нибудь с курсов личностного роста или из тестов по психологии, он ржал в голос.

Пытался заниматься музыкой. Выклянчил у родителей электрогитару, собрались с ребятами в группу... года два ковырялись. Даже записали на комп пяток мелодий. Одну из них до сих пор люблю слушать, удачная вещь получилась. А потом встала та же проблема, что и с футболом. В какой-то момент я понял, что для того, чтобы просто оставаться на уровне и не деградировать в плане техники игры, гитару в руках надо держать не меньше двух часов в день, иначе сложные соло уже не вытащить. То есть опять та же проблема: чтобы чего-то добиться в музыке, надо ею жить. Каждый день несколько часов на гитару вынь да положь. И репетиции хотя бы три раза в неделю, а перед концертом и вовсе каждый день. Потому мое увлечение музыкой быстро переросло из игры на гитаре в распитие пива в околomuзыкальной тусовке. Во дворе лабать песни Цоя или «Черного Обелиска» вполне достаточно. И не надо стирать пальцы в кровь, пытаюсь достигнуть уровня Стива Вая.

Однако эти занятия дали мне умение работать в команде и какую-никакую практику в организации коллектива. Правда, понял я это лишь через несколько лет.

В универе было легко и просто. После школы первый курс показался халявой. Потому ко второму я уже подошел спустя рукава. Что там эти матан да аналитическая геометрия, все понятно и скучно. Потому можно задвигать пары и приятно проводить время в тусовке. Тем более универ был такой, средненький. Не политех и не физтех, не топовый ни разу.

А жизнь тем временем начала задвигать меня с позиций теоретического супергероя куда-то на галерку. Мой младший брат – не шибко умный, между нами говоря, – после девятого класса ушел в колледж и выучился на электрика. Пока я летом пил пиво и тусовался, он работал на стройке высотником, заработал некую сумму, которую, по слухам, через знакомых заслал военному, и в осенний призыв ушел в морскую пехоту. Ага, именно так. Дал денег, чтобы

уйти в армию именно в ту часть, в какую хотел. Подробностей не знаю, не расспрашивал.

Психанул, сразу скажу. Особенно на отвальной, когда он мне сказал о своих дальнейших планах. Год в армии, потом в политех по армейской льготе: досдать разницу с колледжем – и сразу на третий курс. А ведь сдаст. Он не такой умный, как я, зато упертости ему не занимать. Кого угодно переупрямит. Конечно, у меня закрадывалась в голову мыслишка: а почему вдруг я считаю, что он не такой умный, как я? Но я гнал ее прочь. Ответ и так очевиден. Я гений, а остальные – идиоты. Разве может быть иначе? Однако существовал немалый риск, что в следующем году брат меня догонит и тоже будет на третьем курсе. Серьезный такой удар по самолюбию, знаете ли.

Дело шло к зимней сессии, и вдруг выяснилось, что на втором курсе дифференциальная геометрия – это уже не такая халява, как аналитическая с первого курса. Уже требовались усидчивость и, опять же, самостоятельная работа дома. А я и в школе-то домашку особо не делал, все легко давалось. Но самой большой проблемой оказалась история. Зачет по ней я не сдал вообще, показав феноменальный результат на тесте – двадцать неправильных ответов из двадцати. Препад еще отдельно выделил меня. Я тогда взвился, мол, зачем нам, будущим математикам, эта ваша история? Она вообще не нужна никому! Короче, зачетную неделю я завалил и не получил допуск к экзаменам.

И мог бы подготовиться нормально, но тусовка... Праздники, дни рождения, концерты знакомых... Себя я оправдывал тем, что историк ко мне относится предвзято. Мне так было удобнее.

Моя группа к тому времени благополучно распалась. Ударник и басист ушли в армию, а ритмач – в другую группу, где было серьезное отношение к репетициям. Помню, я еще обиделся на вот это заявление – серьезное отношение, ишь ты. А мы что – так, вторая лига? Эх!

На новогодние праздники знакомые зазывали под Приозерск. Так как к экзаменам я все равно не был допущен, то – почему бы и нет? Все равно пересдача зачетов с десятого января, есть время оттянуться. Мысль о том, что я могу быть отчислен со второго курса, в голову почему-то не пришла. В своих мечтах я уже представлял, как буду на третьем курсе свысока смотреть на брата, который обязательно не сможет сам досдать разницу и станет просить меня помочь с учебой. Я ведь всегда ему помогал домашние задания делать. Ну

как сказать – всегда? Последний раз было, когда он был в третьем классе, а я в пятом. Но зачем заострять внимание на таких мелочах, правда?

Пошел к матери просить денег. Услышал отповедь, мол, в моем возрасте на свои развлечения должен зарабатывать сам. И поучительную историю о том, как она с десяти лет ходила на конюшню и уже в двенадцать зарабатывала деньги не только себе на вкусняшки, но и в семью приносила. Привела в пример младшего брата, как он летом работал, пока я...

Попытался наврать, будто с зачетами проблема, потому что препод вымогает взятку. Деньги, мол, нужны не на пьянку, а на учебу. Зря. Так мать узнала, что я не допущен к сессии.

Вот тогда я психанул и брякнул в сердцах:

– А ты-то сама чего? Сама-то даже в институт поступить не смогла, мозгов не хватило!

Мать не стала скандалить, ответила спокойным голосом:

– Думаешь, что ты уже умнее и меня, и отца? – И так это она произнесла, будто я кот нашкодивший.

А меня от такого понесло еще больше.

– Да! Вы оба – низший класс общества, без перспектив, и даже не понимаете, чем живут люди моего уровня!

Ого! Заявочка на успех, скажете вы? Обычно в интернете с таких комментариев начинается срач с переходом на личности. Но тут что-то пошло не так.

– Здорово-то как! – сказала мама с улыбкой. – Это надо отметить. Я соберу на стол.

Позвонила отцу, попросила взять торт и что-нибудь к празднику. Какому?

– Отвальную будем праздновать. Жорик наш совсем взрослый стал, съезжает, будет жить отдельно и самостоятельно. Последний день дома. Надо отметить по-человечески.

Я тогда думал, что она не всерьез. Думал, что это какой-то их обычный родительский воспитательный прием.

Ужин и правда был праздничный. Я почувствовал себя виноватым, попытался извиниться, но... Мать лишь пододвигала блюдце с куском торта.

– Ты кушай, кушай. Людям твоего уровня нужно больше глюкозы.

Слово взял отец.

– Чего ты извиняешься? Так-то ты все правильно сказал. Мы дураки, ты умный. Настолько умный, что тебе и учиться не надо, да и работу какую попало ты брать не будешь. Не, ты не подумай, что я тебя упрекаю. Чего уж упрекать-то много такого. Тут, видишь, какая штука. Упертости у тебя не хватает. Цели нет. А почему? Потому что в жизни беды не знал и нужды. Вот и не стремишься ни к чему. Легко добиваешься успеха на начальных стадиях любого дела и не видишь стимула развивать этот самый успех, выходить из подающих надежды в профессионалы. Так оно у тебя со всем было – и с футболом твоим, и с карате, и с информатикой... Теперь вот с универом то же. Дальше под нашей опекой тебе находиться смысла нет – деградировать начнешь. Так что – лети, голубь сизокрылый. А мы с матерью будем лишь надеяться, что не упадешь. Чему смогли – тому научили. Дальше – сам.

– Эээ... но... мне же надо где-то жить. Опять же, деньги на первое время...

Отец ухмыльнулся.

– От общежития при универе ты сам отказался. Твой выбор был. Взрослый, сознательный, свободный. А деньги... Когда я приехал в этот город, у меня в кармане было меньше, чем у тебя сейчас. Справишься. Ты же не глупее меня, сам говорил.

Да уж. Молодой был, глупый. Жаль, что родители так и не узнали, сколько раз в жизни я говорил спасибо им за то, чему они меня научили в мое так стремительно промелькнувшее детство...

Родителей жалко. Самый тяжелый грех на моей душе. Даже потяжелее того, что я натворил в Пелопонесе и Померании. Я надеюсь, что тот дядька, который отправил меня сюда, не наврал и мама получала от меня письма. Хочется верить, что это так. Лучше сын в далекой командировке, чем пропавший без вести.

Впрочем, это уже не относится к тому, о чем я хочу рассказать. Начнем, пожалуй.

Я обмакнул перо в чернильницу и на листе бумаги аккуратно вывел:

«Сей мемуар я пишу для потомков своих, дабы они доподлинно знали, что нету в мире такого, отчего в отчаяние приходиться следует, даже ежели обстоятельства оных жизненных событий совсем безнадежными выглядят. А также чтобы осознание было, отчего к наукам стремление иметь надо да усердие в постижении оных проявлять».

Глава 1

Я копал могилу. В мерзлой земле, деревянной лопатой. Холодный ветер закручивал вихри мелкого снега вокруг моих ног, а я продолжал копать. Лопату, которой я долбил землю, тут называют словом «заступ». Это не мотыга и не кирка, как я думал раньше, когда встречал это слово на уроках русского языка. Это толстое деревянное весло, обитое по краю толстой полосой грубо обработанного железа. Тяжелая штука, несколько килограмм весит. А заступ – потому что есть полочки, на которые можно наступать ногами. Старинный предок нашей садовой штыковой лопаты.

Кстати, о русском языке. Тот язык, которому меня учили в школе, сильно отличается от того, на каком говорят здесь. Другая дикция, другие слова, другое построение фраз. Например, лейтенанта здесь называют «порутчик». Не

поручик, как в кино «Белое солнце пустыни», а именно порутчик. Буква «т» артикулируется особо, как будто разбивает слово пополам и прям требует, чтобы ты вытянулся по стойке «смирно». Или как тут говорят – «во фронт».

Сегодня утром умер рекрут. Тот самый, что вчера еле ноги волочил и надсадно кашлял. И вроде немолодой уже был для призывника. На вид так лет за тридцать. Потому, наверное, его староста в солдаты и сдал. Чувствовал, что тот зиму не переживет. Ну он и не пережил.

Странное дело этот рекрутский набор. Бардак полный, контроля, считай, почти что нет никакого. Какие военкоматы, о чем вы? О военкоматах тут и не слышали никогда. Здесь все проще. Выдали землевладельцам указ, сколько нужно рекрутов набрать. Те сбагрили выбор на управляющих, а те – на старост. Старосты же в солдаты сдавали самых негодных – либо бездельников и горьких пьяниц, от которых общине одни неприятности, либо откровенных гопников. Их тут называют словом «забияка». Забияки, ага. Я почему-то думал, что забияка – это нечто вроде клоуна. Оказалось, ничего подобного. Забияка – от слова «бить». Хулиган, задира.

А еще у них тут с рекрутским набором целый специальный бизнес существует. Ловят чужаков и сдают в солдаты. Чтобы, значит, своих не трогали. Целые банды промышляют отловом чужих, а с деревенских потом мзду берут. Откупные за того парня, что в рекруты пошел. Казалось бы, должен быть какой-то учет, списки, печати землевладельца... Говорят, в былые годы оно обычно так и бывало. А в этом году все с бухты-баряхты, впопыхах. Пришел высочайший рескрипт – вынь да положи столько-то душ в солдаты. А коли не наберете – недостапу компенсируйте из гарнизонного полка или из прошлогодних рекрутов размещенного неподалеку Владимирского полка. Ага, сейчас командир владимирцев, барон фон Альбедиль, прям все бросит и станет своих людей отдавать, разбежался. Да и сам набор по новому закону должен проходить раз в пять лет в каждой полосе. Но, разумеется, недавняя реформа буксовала и нуждалась в костылях. Вроде разового срочного донатора и тому подобного. Но эти тонкости я уже узнал потом. После того, как попал под раздачу.

А чего? Я не местный, никого не знаю, никто не знает меня. По внешним параметрам подхожу – рослый, статный... здоровый опять же. По местным меркам, конечно. Вот и попал. Вообще, все как-то сумбурно получилось. Так обрадовался, что встретил людей, когда вышел к деревне. Сразу подошел и начал нести какую-то чушь. С точки зрения местных, конечно. Ну и по моему

говору они сразу определили, что я нездешний.

Зато теперь я знаю, откуда взялась у наших гопников манера спрашивать, кто ты, чьих будешь и кого знаешь. Наверняка от этих самых рекрутских наборов. По крайней мере те, что меня встретили, именно эти классические вопросы и задавали. Кто, откуда, кого знаю, чьих буду... Я тогда растерялся. Прямо какой-то ступор напал. Стоят трое ребят, вроде бы меньше меня ростом, не шибко крепкие, и только смотрят исподлобья да двигаются как-то своеобразно. А мне руки девать некуда вдруг стало. То я их на груди скрестить хочу, то вдруг в карманы сунуть. То вдруг боком встать. А они еще суетятся так, один говорит, а другие в глаза не смотрят... Сильно растерялся я, одним словом. Что-то мямлил, потом с какого-то перепугу взялся оправдываться. А как оправдываться начал – так они сразу начали бить. Несильно. Так, слегка, но очень обидно. То в живот несильно ткнут, то в плечо толкнут, то по ноге стукнут. Да еще вопросы начали задавать, из которых выходило, что я еще им должен остался за какое-то оскорбление, которое я им умышленно нанес. Почему не дал отпор? Вроде же из кино знаю, что в таких случаях бить надо. А я как... Боялся, наверное. Чего боялся? А того, что потом будет. Если какую-то границу перейти, то потом же точно драка начнется и уже никак по-хорошему не закончить. Тем более в школе так учили – драться, мол, нехорошо. Последнее дело. Вдруг кто заявление напишет, или еще чего. Куча глупых мыслей и самооправданий в голове. Таких, знаете – «да я бы, если бы с ними драться начал, – я бы их покалечил, эх какой я». Вот только все это молча, про себя, а не вслух.

Загнали они меня в сарай какой-то, где сено хранится. Пригрозили, что если попробую сбежать – прибьют. А уже через час вывели, посадили на сани с еще несколькими людьми и повезли в город.

Помню, в детстве недоумевал, как десяток конвоиров может сопровождать колонну в тысячу пленных. В кино как-то это странно выглядело. Мне с дивана тогда казалось, что можно же кинуться на конвой, накостылять им... Потом я понял, как это делается. На своей шкуре. И даже научился сам такому мастерству контроля толпы. Но это было потом. А тогда я просто сидел на санях и думал: может, все обойдется. Или это не я думал, а бормотал кто-то из тех, с кем вместе меня везли? Я, кстати, так и не узнал их имен.

Одежда странная на них была. Собственно, тогда я и начал подозревать, что все это всерьез. Например, пальто, в которые были одеты мужики, оказались без пуговиц. Это называлось словом «армяк». Такое пальто запахивалось на манер

халата и завязывалось поясом. Длинным, вроде того, какой на кимоно в карате повязывают, в два оборота. Странно, я почему-то думал, что армяк – это шапка такая. Впрочем, мое представление об истории наш препод охарактеризовал очень емко и едко, по-молодежному: «дно».

Следующие сутки помню как в тумане, эпизодами.

Нас привезли в город Кексгольм, как его называли местные. Говорят, там еще крепость была, только я ее почему-то не заметил в тот раз. Вроде домики как домики, ничего особенного. И маленькие избышки, и несколько больших коттеджей с мансардами. А где там крепость – непонятно.

Высадили из саней и передали человеку, которого представили как старшего команды рекрутов. Высокий, с меня ростом, мужчина. Собственно, его и звали «порутчик». Господин порутчик. Имя он назвал вскользь и скороговоркой, поэтому я его не запомнил. Обратил лишь внимание на то, что он был одет в белый мундир. Белые штаны, белая куртка, на голове шапка вязаная, поверх нее – треуголка. Только воротник и отвороты рукавов красные. Он построил нас по линии и с сильным нерусским акцентом объявил, что мы теперь рекруты Ее Величества матушки-императрицы и душами принадлежим ей, как и всякие государевы люди. Потому за побег – лютая казнь. Ну и все такое прочее. Страдал по-всякому, значит. Парни в строю еще шептались – куда бежать, зимой-то? Зимой ведь по домам сидят, все же как на ладони видны.

На ночлег нас определили в большой серый ангар, который господин порутчик по какому-то недоразумению назвал казармой. Хотя мужики эту казарму именовали словом «овин». Тоже непонятное слово. Пустое длинное одноэтажное здание, без окон и отопления, с неровными кучками соломы на земляном полу. В ту ночь я мысленно благодарил мать, которая заставила перед выходом надеть термобелье. Без него, думаю, я бы околел.

В тот вечер нас не кормили. Позже я узнал, что собранные с окрестных деревень рекруты делились на две части. Кто-то оставался в местной ландмилиции, а остальных отправляли в полк. Ландмилиция финансировалась из местного бюджета, полк – из государственного. Потому пока было неясно, кто из нас куда распределен – ни те, ни другие не собирались тратить деньги на нашу кормежку. А может быть, выделенную на нас еду постовые сперли или кто-то из их начальников. Такое тут, говорят, сплошь и рядом. Опять же, ночью выяснилось, что попадание в ландмилицию – платное. По крайней мере,

некоторые из рекрутов где-то ближе к полуночи о чем-то шушукались с охранявшим выход часовым в белом мундире. Звенели монетами. Солдатчина в ландмилиции не строгая, далеко не угонят. А вот те, кого в полк определяют, – они, считай, своего дома больше не увидят никогда.

Утром нас, голодных и замерзших, вывели из ангара на построение. Проснулись не все. Двое так и остались лежать на соломе. Может, крепко спали, а может, замерзли насмерть. Обычное дело, как я узнал потом. В тот момент же я ничего не чувствовал, кроме озноба и какого-то странного отупения.

Рекрутов собралось около сотни. Выстроились кое-как более-менее ровной толпой на площадке перед ангаром. Напротив нас стояло десять мужиков в белых мундирах и светло-серых кожаных плащах поверх. С ружьями, за спиной – ранцы, через грудь перекинута перевязь со шпагой. На поясе сзади видна какая-то квадратная кожаная сумка типа барсетки.

– Кто это? – спросил я вслух.

– Ну ты темнота! – ответил какой-то бородатый мужичонка, стоявший рядом. – Это из ландмилиции, вроде сопровождения, получается. Те, кому повезло. А вон та группа рядом с ними, как оборванцы одетые, – это тоже из ландмилиции, но которых с нами в полк отправят. Будут нашими дядьками на первое время. Не откупились, получается. Или забияки какие, что их в полк ссылают. Оно кто ж по доброй воле из ландмилиции в армию-то пойдет?

– А ты-то откуда это знаешь?

– Пф! Скажешь тоже! – мужичонка аж обиделся. – Я ж городской! Не первый раз уже рекрутские наборы вижу. Я тута кожевенником работал, батя у меня кожевенную мастерскую держит. И в полку тоже по коже работать буду. По конской сбруе али сапожником. Я все могу!

– А разве городских призывают? – это спросил парень слева от мужичка, щуплый да нескладный.

– В рекрутский набор всех призывают, кто к какому-то делу не приписан. Я вот приписан был, да в семье нужда большая. Братьев и сестер много. А за рекрута, коли вместо кого служить пойдешь, можно и сто рублей получить. Они, чай, в

семье не лишние будут. А там я все одно к делу прибьюсь. Не вечно же у бати в подмастерьях ходить, он-то у меня еще крепкий!

Понял я из его объяснений не много, но уточнять не стал. Зуб на зуб не попадал после ночевки в ангаре, и живот сводило от голода. Считаю сутки не ел к тому моменту. Любопытства не было как факт.

Вскоре подошел господин порутчик и еще какой-то военный, одетый совсем иначе. На голове треуголка, как и у всех здешних военных, но плащ темно-серый, мундир из-под него виднеется зеленый, а штаны – красные. Они о чем-то переговорили с господином порутчиком, после чего зеленый произнес речь:

– Здравствуйте, будущие государевы люди. Вы зачислены, значит, рекрутами в наш достославный Кексгольмский пехотный полк. С чем вас и поздравляю, получается.

Интересно так это прозвучало, он произнес слова «Кексгольмский пехотный полк» с каким-то внутренним наслаждением, как бы смакуя.

Зеленый провел перчаткой по своим черным с сединой усам, кхекнул, после чего продолжил:

– Будете служить у нас, значит, бравыми мушкетерами. Так как вышел приказ нашей матушки-императрицы и самодержицы Всероссийской о подготовке к войне скорой, то обучаться ремеслу воинскому вы будете не в ландмилиции али гарнизоне, как ранее заведено было, а сразу у нас в полку. Командир наш для учебы выделил третий баталион полка, в распоряжение которого мы с вами и направимся. Там обучитесь ратному делу, там и к присяге под полковое знамя вас приведем. Именоваться вам следует «господин начальник партии Фомин». Как присягу примете – сможете по званию обращаться, значит. Видите вот этот галун червлёный на обшлагае? Это значит, что я ундер-офицер. Тех, у кого галуны, слушаться, как отца родного. За непослушание, али побег кто удумает... ну да вы люди взрослые, сами все понимаете. Времени зазря тянуть не будем, сегодня и отправимся.

И мы отправились. Двое саней с провиантом и около сотни мужиков. Пешком. Зимой. По снегу. В город Луга. Который находился, как выяснилось, в трехстах верст от Кексгольма.

Каких-либо списков рекрутов не составлялось. Писарь, что крутился около господина порутчика, бегло пересчитал нас по головам, чиркнул что-то на листке, закрепленном на деревянной планшетке, – и все на том. Никакого медосмотра или еще чего подобного. Даже зубы не смотрели. Уверен, что писарь при подсчете наверняка ошибся, потому как толпились мы густо, а усердствовать ему было откровенно лень.

Так началась моя служба. В мое время считалось, что служба начинается после принятия присяги, но здесь, кажется, такими условностями не заморачивались. Все, после того как в партию попал, ты уже не крестьянского сословия. Для деревенской общины ты отныне отрезанный ломоть.

Я тогда еще не осознавал, что это и правда на всю жизнь. Впрочем, как я уже говорил, для меня первые дни были как в тумане. Может быть, от голода, а может быть, это и был тот самый футур-шок, о котором так много писали в книжках про попаданцев.

Вел себя как робот. Сказали идти – шел. Сказали собирать валежник – собирал. Сказали есть – ел. Посуда здесь, кстати, вся была деревянная. Деревянные миски, деревянные ложки. На весь отряд – десять комплектов. Казенные. Потому как рекруты с собой из дома не брали ничего. Обреченный на солдатчину навсегда покидал родную деревню, у него теперь все государево будет, потому все более-менее ценное оставалось дома, общине. Теплая одежда у деревенских тоже в цене. Кто ж ценную одежду отдаст тому, кто в солдаты уходит? Это ж считай что выкинуть! Вот и замерзали рекруты на ночевках. Бывало, что и насмерть. А из тех, кто живой, уже на третий день пути половина кашляет. И это, кажется, никого не волновало. Ни начальника отряда, ни братьев по несчастью. Умер и умер, пусть его. Копай могилу, потом пойдем.

Вот я и копал могилу. В мерзлой земле, деревянной лопатой. И это только начало пути. Долгого пути рекрутов из Кексгольма в Лугу. Огромная дорога, которую мы будем идти неделю, если не больше. Хотя местные говорят, что неделя пути – это немного. Ну, по их меркам. Скорости другие, расстояния тоже.

Подошел мужик из второй артели. Один из тех ландмилиционеров, что отправились в полк вместе с нами.

– Сменись, братец. Иди в дом, там ваша очередь трапезничать подходит.

Оставляю заступ в яме, выбираюсь, уступая место другому рекруту.

* * *

Дом, где остановилась наша партия, местные называли станцией. Иногда – просто станом. Трехэтажное деревянное строение с комнатами для постояльцев, кухней, столовой на первом этаже и обширными конюшнями. Все достаточно хорошо отапливалось, к нашей радости. В комнаты нас, конечно же, не пустили, ночевали мы в конюшне. Зато ужинали и вот теперь завтракали в столовой. Партию офицер в зеленом разделил на артели по десять человек, за старших артелей поставил ландмилиционеров, что шли с нами из Кексгольма.

В столовой было тепло. Я расстегнул куртку и быстро прошел к длинному столу, за которым расселась моя артель. Старший, Ефим, из общего котла набухал миску обжигающей пшенной каши на шкварках и пододвинул ко мне вместе краюхой свежесыпеченного ржаного хлеба.

Как мало нужно для счастья! Всего лишь теплое помещение и горячая еда. Впервые за несколько дней я почувствовал себя человеком. Странно, да? Вроде только что копал могилу для умершего попутчика, можно ж было хоть для приличия не жмуриться от удовольствия за столом. Что-то казалось в этом неправильным. Но еда была действительно вкусная. И она вот, на столе, горячая, с одуряющим запахом. А могила – там, на улице, за дверью. Считай, что вообще в другой вселенной.

– Ешьте, братцы, ешьте. Ближайшие к столице станции – они все такие. Уютные да сытные. Как дальше отойдем – опять будет такая же голытьба, как третьего дня. Там уже так из отдельных мисок покушать не получится. Будем по-походному, из одного котла хлебать.

Умяв половину миски, я немножечко замедлил темп и начал смаковать каждую ложку. Мы с ребятами уже усвоили простую местную хитрость: пока едим, мы как бы чем-то заняты и ничем другим нас не загрузят. Кто доел – тут же будет озадачен какой-нибудь работой. Скорее всего, на улице, на холоде. Потому большая часть порции съедается быстро, а последние ложки растягиваются до бесконечности, пока не погонят из-за стола.

Я наконец-то собрался с мыслями и первый раз за все это время попробовал обдумать все произошедшее.

Итак. Где же я? Вероятнее всего – на почтовой станции, как сказал бы Капитан Очевидность. Так написано у входа в комплекс зданий, в котором мы остановились на постой. Кириллицей, на русском языке, но старорежимно, с ятями, твердыми знаками и прочими дореволюционными буквами. Там же, у входа, изображен герб – черный двуглавый орел на желтом фоне. Только крылышки не как у герба России из моего времени – распахнутые во весь рост, а махонькие, в половину корпуса. Рядом – еще какой-то непонятный герб. На красном поле две руки в латных рукавицах с мечами, над ними – царская корона. О чем это мне говорит? Ни о чем, вообще-то. В истории я совсем слаб. Одно понятно: я сейчас где-то в Российской империи. Иду от некоего населенного пункта Кексгольм. Название какое-то нерусское. Впрочем, если империя, так мода на нерусское уже вовсю идет. Например, Санкт-Петербург – тоже название не совсем в русской традиции. Попал я в рекруты Кексгольмского пехотного полка, а служить там буду – внезапно – мушкетером. Хм... Мушкетеры – это же вроде бы д'Артаньян, шпаги, белые кресты на синих накидках... И вроде бы все дворяне. Однако мы с остальными рекрутами на дворян никак не похожи. Хотя у солдат ландмилиции шпаги есть. И у офицера есть. Кстати, и у офицера, и у ландмилиционеров под куртками – их тут называют словом «кафтан» – оказались красные мундиры. Красные – это что, от англичан, что ли? Непонятно. Ладно, потом все расскажут.

Правит сейчас ее величество императрица и самодержица. Это кто? Помню, в России была императрица Екатерина Вторая. Она еще Медного Всадника поставила в Питере. Хм, раз она вторая – значит, была и первая? А может, еще какие? Интересно, а сколько вообще в России было императриц? Минимум две, это точно.

Размышляем дальше. Как я здесь оказался? С этим вообще ничего не понятно. Вроде ехал на электричке в Приозерск, отмечать Новый год. Встретил там знакомых. Дорога дальняя – два часа с лишним. Потому распивать начали побыдлячки, прямо в поезде. Спорили о чем-то... Знакомый как раз читал «Розу Мира» Даниила Андреева и захлеб о ней рассказывал. Про каких-то духов, про коллективное бессознательное... Потом знакомые вышли в Петяярви, а я продолжил беседу с толстым мужиком зрелого возраста, подсевшим в Сосново поучаствовать в беседе. Андреева он очень уважал. Мол, хорошо пишет.

– Жрун! Называй меня так! – и почему-то засмеялся.

Он был и правда толстый – килограмм так сто двадцать, если не больше.

Я эту их книгу не читал, потому шутки фанатов эзотерики были мне непонятны. Все эти андреевцы, ошевцы и прочие сектанты – какой-то совсем наркоманский вывих мозга. Однако коньяк уже дал о себе знать, и я зачем-то взялся этому Жруну рассказывать о своих детских мечтах. Ну а чего б не поведать сокровенное хорошему человеку? Собутыльник – он ведь плохим быть не может, верно? Ну уж к середине второй бутылки точно. А он мне в ответ рассказывал что-то нравоучительное. Про то, как важно вовремя помочь ребенку, защитить от дурного влияния и конкурентов, и тогда он вырастет... а дальше опять какая-то эзотерическая дичь.

К концу бутылки мужик взял меня за руку и сказал:

– Поможешь мне? Очень надо.

О чем вопрос? Конечно же, помогу! Кто же по пьяни откажется помогать такому замечательному человеку, как нынешний собутыльник!

– Тут один знакомый – Бартрад – решил мне немножечко детство испохабить. Ты уж будь любезен, объясни ему, что он это все зря затеял. Лады?

– Лады! Обязательно объясню. Только кто это?

Мужик некрасиво засмеялся, обнажив желтые кривые зубы.

– Узнаешь. Очень хорошо, кстати, что ты в школе французский учил. С английским там далеко не уедешь. Ну а я буду письма твоим родным слать, чтобы они за тебя не переживали! Договорились?

Затем толстый дядька позвал меня курить в тамбур, потом что-то произошло, и... я оказался на перроне без рюкзака, без документов, смотреть в хвост уходящей последней электричке. Помню, в тот момент мне это показалось очень смешным.

– А вот возьму и потеряюсь! И ищите меня потом! – хихикая от такой оригинальной мысли, я пошел прочь от станции Синево. В ночь, в метель.

Ну а протрезвел я уже в том сарае, куда меня загнали трое деревенских. Момент перехода не запомнил или не заметил. Понятно, что ничего не понятно.

– Все, закончили трапезу! Встаем, православные! Айда строиться!

Постояли всей толпой у могилы, священник со станции прочитал короткую молитву, и наша партия пошла дальше. Прочь от безымянной почтовой станции, вперед, в неизвестность.

Глава 2

Интересное дело – местные дороги. Телеграфных столбов еще нет, железной дороги – тоже. Асфальта и подавно. Как здесь люди узнают зимой, куда идти, чтобы не заблудиться? Все натоптанные-накатанные колеи заносит снегом, все приметные места одинаково белые. Тем более рельеф местности такой, что потеряться-то проще простого. Кругом леса, озера, дорога петляет, как в песне из фильма про гардемарин: «Бездорожье одолеть не штука, а вот как дорогу одолеть?» И правда, тут семь загибов на версту будет.

Так вот местные нашли выход: вешки! После каждого снегопада старосты деревень и постоянных дворов говорят домочадцам: «Надо вешить!» После чего народ берет вешки – это такие прутья или тонкие шесты в метр-полтора длиной – и идет втыкать их вдоль дороги в сугроб.

Вот наша колонна и идет по чьим-то заботливо расставленным вешкам. От деревни к деревне, по почтовому тракту. Топаем помаленьку, под ногами скрипит снег, и под его скрип между рекрутами идут неспешные беседы обо всем подряд. Эти походные байки для меня – бесценный источник информации о нынешнем времени.

Вот, например, почтовый тракт – это такое направление, вдоль которого расставлены почтовые станции. Направление, потому как дорогой это назвать

язык не поворачивается. Почтовая станция – это дом, где курьер может покормить или поменять лошадей. Дома эти бывают разные. Где-то просто конюшня да изба, где-то целый трактир, а то и целый постоянный двор вроде того, в котором мы ночевали недавно. Но крыша над головой на ночевках есть, и то дело. С отоплением тут у них, конечно, трудности. Батареей отопления является задняя стенка печи. И все, в общем-то. Не говоря уж о том, что никаких стеклопакетов не предусмотрено, а из щелей нещадно сквозит. Потому окна в домах делают как можно меньше. Больше окно – больше потеря тепла. А освещение через окна... В помещениях тут всегда полумрак. Местные привыкли, а я только-только начал осознавать, как много значили в нашей жизни уличные фонари. Да и вообще электричество.

А еще тут очень много разнообразной живности. На подворье почтовой станции – куры, гуси, утки, коровы, лошади. Быки. Здоровые такие, мохнатые. Они тут выполняют роль трактора «Беларусь». И выглядят в чем-то похоже. Если коровы – лоснящиеся, ухоженные – гуляют недалеко от яслей с сеном или поилки и смотрят на всех свысока, по-королевски, то быки – это такие суровые монструозные звери с грязной свалявшейся шерстью. Прогуливаются неподалеку от распряженных серых деревянных телег и всяких сельскохозяйственных приспособ да смотрят на всех исподлобья. Я, признаться, как первый раз такого быка увидел, – не удивился бы, если бы у него изо рта торчала папироса «Беломор», а на рога была бы надета ушанка. Уж очень характерное выражение морды у зверюги было, хоть сейчас на карикатуру или в комикс про Бэтмена.

Ушанки здесь есть, только их называют словом «треух» и в основном носят с развязанными ушами. Шапка и шапка, ничего особенного. Версий и модификаций – множество, но самая популярная больше напоминает бурятский малахай, чем привычные мне ушанки. Видно, что каждый умелец творит шапку не по какому-то единому стандарту, а по настроению. Ну или в зависимости от материала, который на эту самую шапку идет.

За пределами постоянных дворов много дикого зверя. Зайцы, лисы, птицы всякие... Волки? Волков поблизости от селений нет. Повебили. Говорят, как только в округе замечают стаю волков – сразу поднимают охотников и идут бить. Волк здесь – не принт с майки байкера и не символ брутального сурового мачо, а враг номер один. Люди с волками враждуют всерьез, на истребление. Да и само слово «волк» произносят с теми же интонациями, с какими в наше время произносили слово «шакал» или «бандит». Как что-то плохое. Волк – враг

человека, однозначно и без вариантов.

Но, что удивительно, фамилия Волков звучит гордо. Потому что Волков – это не от слова «волк», а от словосочетания «волков охотник». Круто и солидно. У нас в отряде был один рекрут с фамилией Волков. В рекруты пришел со своим ружьем, даже договаривался с начальником отряда, чтобы с этим ружьем пойти служить. Но офицер в зеленом о чем-то переговорил с Волковым с глазу на глаз и, видимо, уговорил. Ружье отдали родственникам. А Волков всю дорогу рассказывал в отряде охотничьи байки, которые слушали все с неизменным удовольствием. Кстати, ундер-офицера в зеленом звали Фоминым. Ундер-офицер Александр Степанович Фомин. Интересный мужик. Лет под сорок, с проседью. Крепкие жилистые руки, злой взгляд карих глаз, но говорит корректно и вежливо. Чувствуется, что подбирает слова так, чтобы обойтись без брани. Видимо, так он воспринимает свою обязанность быть командиром и говорить как командир. Интересно, когда прибудем в полк, он наконец-то перестанет сдерживаться и начнет разговаривать матом? Шутка. Нет, не интересно. Совсем не хочу знать, что может сделать человек с такими злыми глазами, если перестанет сдерживать себя. Тем более он и так постоянно в руках вертит длинный стек черного дерева и иногда многозначительно похлопывает им себя по перчатке. С намеком, значит.

Язык тут своеобразный. Что касается терминов и званий, в бытовой речи чувствуется сильное влияние немцев. Примерно как в мое время язык был насквозь пропитан англицизмами – всякие там «сервер», «компьютер», «пиар», «менеджер»... А тут сплошные германизмы и что-то от шведского. Ну или голландского. Петр Великий вроде бы фанатом Голландии был? Ну вот потому здесь говорят не «унтер», как привычно в моем русском языке, а «ундер». С таким легким рокотом немецкого акцента. Ундерррр! Афициер! Раммштайн! Ой, это уже музыкой навеяло.

А еще в здешнем русском языке немного непривычные формы окончаний. К примеру, наш полк – он не Кексгольмский, а Кексгольмской. И дорога, по которой мы идем, это Кексгольмской тракт. Именно «ой» на конце, а не «ий». Надо будет потом у какого-нибудь писаря узнать, почему так. Я же со своей манерой речи уже с головой выдал, что нездешний. Ребята шепчутся между собой, строят догадки на тему, откуда я родом. Но напрямую не спрашивают. Не знаю почему.

Говорят, Кексгольмский тракт был оборудован еще шведами. Это бывшая их дорога к бывшей же их крепости Ниеншанц. На этих словах я начал задумываться о том, что местность-то мне должна быть знакома. Это же где-то под Питером, получается? Совсем недалеко от дома! Но как я ни всматривался в округу, ничего знакомого не увидел. Деревья да снег. Впрочем, какое приметное место я хотел увидеть? Вышку сотовой связи? Градирню ТЭС? Или железнодорожную станцию? Я и озера-то не найду без помощи навигатора. Хотя в свое время я думал, что хорошо знаю Ленинградскую область. Благо объездил ее всю во время различных детско-юношеских турниров со своей футбольной командой. Так что повидал стадионы в Гатчине, Выборге, Сосново... Это, конечно, мне сильно поможет, ага.

Опять же, скажу я вам, местность, по которой мы идем, совсем не выглядит заморским автобаном. Что вы себе представляете при словах «Свейский королевский Кексгольмский тракт»? Ага, вот теперь забудьте. Просто холмы, низины, лес, пустые проплешины занесенных снегом замерзших озер и редкая пунктирная линия вешек. Чтоб никто не сомневался, что это именно дорога и ведет она куда надо. И что вас тут не водит леший кругами.

Справедливости ради надо сказать, что на тракте создана целая система постоянных дворов на расстоянии дневного перехода. А между станциями оборудованы стоянки для телег и путников. Зимой, правда, они занесены снегом, но крыши и навесы вполне угадываются. И встречаются каждые десять-пятнадцать километров пути. Тьфу, блин. Не километров, а верст. Пора привыкать к местным мерительным системам. Километры, граммы и прочие ньютонны появятся только после Французской революции. Которой здесь еще не было. В этом я точно уверен, так как несколько раз слышал в беседах словосочетание «король французский».

Да, да. Болтать о политике – это развлечение не только нашего времени. Местные тоже страсть как любят почесать языки на эту тему. И примерно в том же формате. «А наша-то матушка-императрица чай не лыком шита. Ей цесарка главная грит, иди, мол, для нас, саксонца побей, ганноверца побей, датчанина побей. И король французский тоже – мол, иди воюй, а мы тебе денег дадим. А канцлер – давай, мол, с аглицким королем дружбу дружить. А наша им в ответ: не дам, говорит, солдат православных воевать за ваш интерес басурманский. Ей-ей, так и сказала! О том мне проезжий гвардеец сказывал, а он сам в Измайловском полку служит. Сам знаешь, все эти послы-шмослы – вот они, как на ладони!» – «Да ну? Побожись!» – «Вот еще я за пьяного гвардейца божиться

буду! Скажешь тоже! Но сказывал он так, точно говорю!»

Вот еще момент. Православие. К религиям в столице вроде бы толерантность. Немецких наемников – лютеран всяких да протестантов с католиками – никто силком в православие не тащит. Магометане тоже служат, говорят. Ландмилиционеры рассказывают, что у татарской легкой кавалерии мулла числится в штате полка с таким же довольствием, как в нашем полку поп. Да и у калмыков, что вместе с казаками чугуевскими близ столицы квартируют, тоже какой-то свой церковник есть. Смешной такой, с лысой башкой и в простыни желтые закутанный. Однако русским же следует быть православными. А то косятся с неодобрением: не из свеев ли ты, часом? Шведов здесь не любят. Оно и понятно – последняя война со Швецией была совсем недавно, лет десять-пятнадцать назад. И Кексгольмский полк принимал в ней самое деятельное участие. Может, потому и не любят.

Да, с православием надо что-то решать. Я-то некрещеный. И это сразу заметят, как только в баню пойдём. Нет, я не в том смысле, что я обрезанный иудей. Просто у меня нет нательного креста. А это здесь обязательный атрибут христианина. Носят его не напоказ, прячут под нательную рубаху, но, судя по всему, есть он у всех, кроме меня.

Дорога давалась тяжело. Погода стояла скверная – температура была, по ощущениям, где-то минус пять, но снег мокрый, тяжелый. Можно было легко вспотеть в зимней одежде, а потом, выходя из леса на открытое пространство, мерзнуть под холодным ветром. Многие в отряде простудились и надсадно кашляли. Некоторых больных оставили по дороге на одном из постоянных дворов. Да, вот так запросто и оставили. Ундер-офицер Фомин – тот самый мужик в зеленом, наш начальник отряда – так и сказал: лежи, рекрут, выздоравливай. Как выздоровеешь – добираться сам до Луги. Бумажку подорожную выписал да и оставил.

А на следующий день у деревни Левашово двое дезертировали. Просто с утра на построении не появились. Спросили местных – они и сказали, да, мол, ночью вышли двое и ушли. Куда? А вон туда и ушли.

Я еще по глупости тогда ляпнул:

– А что, так можно было? – и тут же был сбит с ног могучим ударом кулака Ефима, нашего старшего артели.

От неожиданности упал на снег, попытался встать и пропустил удар под дых.

Ефим схватил меня за волосы, рывком повернул лицом к себе и тихо, без всякой злобы произнес:

– Думай, что говоришь. Да зенками-то не вращай так бешено.

Наклонился поближе и, глядя прямо в глаза, процедил:

– Не дури, рекрут. Усек?

Усек. Кивнул, попробовал что-то прохрипеть отбитыми легкими. Ефим резко разжал руку, но мне не дали упасть, подхватили под руки и втащили обратно в строй.

Оказавшийся вдруг рядом Фомин требовательно похлопал стеком по ладони. Ефим повернулся к нему и развел руками:

– Разобрались уж, господин ундер-офицер.

Фомин посмотрел на меня слегка разочарованно, хлопнул еще пару раз стеком по перчатке, повернулся через плечо и ушел в начало колонны.

Было очень обидно. А еще не по себе от того, как все быстро произошло. Никаких предупреждений, никаких предварительных угроз. Раз! И сразу кулаком. Да еще так спокойно... А я не то что сдачи не дал, но даже не успел подумать об этом. Ведь я помню, в наше время отслужившие ребята говорили, что надо в первые же дни себя поставить. Иначе туго придется. Неужели я лох какой и меня теперь все гнобить будут? Вот же засада!

Дали команду на выдвижение. Я вместе со всеми скрипел сапогами по притоптанному сугробам и цедил ругательства сквозь сжатые зубы. Ну Ефим, ну гад! И представлял, как я ему отомщу, как я его... Видимо, соседи по колонне заметили это по моему лицу. Мужик справа слегка толкнул меня рукавицей в

плечо:

– Брось дуться. Они твои начальники. И спуску тебе не дадут, даже не думай. И ты, ежели, даст Бог, в начальники выбьешься, – тоже спуску не давай. И я давать спуску не буду, если капралом стану. А знаешь почему?

Я прошипел сквозь зубы:

– Потому что им нужны невольники бессловесные, вот почему!

– Э нет, братец. Так ты говоришь, да не так.

Мужик явно был рад поводу поболтать. Или просто хотел утешить да успокоить.

– Вольница – она губит, вот что. Ты, как я вижу, из городских, а то и вовсе барчук. А у нас, у крестьян, вольница до добра не доводит. Сегодня староста спустил с рук, завтра дозволил дурака повалить, а в страду уже и не собрать общину на жатву да молотьбу. И потом зимой вся деревня с голоду раз – и вымрет. Так и тут. Главное – вовремя одернуть. Сейчас тебе Ефим в лоб засветил, одернул, значит. А не одернул бы – завтра тебе господин ундер-офицер палок выписал бы, али вообще плетей. Ты ему не сват, не брат и не друг-товарищ.

– Да что я такого сказал? Просто же пошутил!

– Нашел время шутики шутить. Да еще с кем! Тут еще рекрутов недосчитались, отряд уменьшился – а ты такой шутики шутишь, как будто и одобряешь дезертиров. И будто начальник тебе – ровня. Так нельзя, знаешь ли. Мотай на ус. И в побег подаваться не думай, парень. Не выйдет из тебя дезертира, не той ты породы человек.

Тут я было улыбнулся. Ну как же, комплимент сделали, честным человеком назвали, но мужик продолжил:

– Ты ж как телок неразумный, головой вертишь, все тебе в диковинку, все будто первый раз видишь. Ты ж пропадешь ни за грош. Куда тебе дезертировать? Этим-то двоим – оно понятно зачем. Оне землепашцы справные, в армии сгинут

ни за грош, а в Левашово тамошний помещик их от рекрутского набора скроет да заново в крепостные обратит, но уже в свои. И будут они снова на земле сидеть да землю эту, значит, пахать. А тебе это зачем? Тебе какой резон убежать да ворованным крепостным становиться? Не дури, целее будешь. Осознал?

Осознал. Права человека тут не в чести, даже слов таких не слыхали. А еще осознал, что я не знаю, как его зовут. И как зовут многих моих товарищей по отряду. Они же, в свою очередь, все замечают и все подмечают. Но о серьезных вещах молчат, в разговорах травят лишь пустые байки да про политику чепуху всякую. Глаза цепкие, острые, если на них украдкой взглянуть. А прямо взглянешь – так сразу дурака валять начинают. Как тот боксер из анекдота: «А еще я в нее ем». Хитрят мужики, стараются казаться глупее, чем они есть на самом деле. Да и мужики ли? Вот этому, что справа от меня идет, на вид лет тридцать. А если бороду сбрить? Наверняка станет выглядеть как старшеклассник нашего времени. Но глаза уже взрослые. Ловлю себя на мысли, что хочется их на «вы» называть, как старших. Хотя вряд ли они сильно старше меня, а то как бы и не помладше были. Если по возрасту, конечно.

Кстати, о бороде и моде. У меня с растительностью на лице пока плохо. Так, подростковый пушок еще. Хотя, казалось бы, девятнадцать лет, пора бы уже. Ундер-офицер бороды не носит, только усы. Да не щеточкой, а полноценные, почти как у Буденного. Командиры артелей из бывших ландмилиционеров – тоже без бород, с усами. А чем они бреются? И, главное, когда успевают? А как здесь принято по моде? Сколько же еще всего надо узнать!

* * *

Мосты. Вот где чувствуется большая проблема этого времени. Переправы здесь – без слез не взглянешь. Через мелкие речушки поставлены деревянные мостики. Сейчас, зимой, их опоры уже сильно побилло льдом и запырило снегом. По весне явно снесет, и надо будет строить новый. А через большие реки переправа идет лодками.

Неву мы пересекли пешком по льду. Переправа была обозначена все теми же вешками и хорошо накатана. По обеим сторонам реки – небольшие поселки, домов на двадцать, с большим количеством лодок под навесами. Собственно, то, что это именно Нева, я узнал только из разговора ундер-офицера с местным старшим. Когда Фомин выяснял, выдержит ли лед наши телеги.

Переправа, кстати, охранялась. На берегу были оборудованы деревянные причалы, вокруг которых расчистили и утрамбовали снег. И стоял постовой в белом мундире и серой накидке ландмилиционера. Разбились на артели и за полчаса перешли реку пешком, небольшими группами. Летом, думаю, переправа растянулась бы на несколько часов, судя по виду здешних махоньких лодочек.

Интересно, а как тут у армии с мостами дела обстоят? Небось, инженерные части вообще зашиваются. Без всякой техники, топорами, деревянными лопатами да голыми руками обеспечивать переправу армии – нет, спасибо. Я как-то с классом был на экскурсии в Кронштадте, так там экскурсовод рассказывал, сколько людей погибло при постройке Петровского дока. Самый большой сухой док в Европе, строили сорок девять лет. И количество погибших на строительстве поражало воображение. Нет уж, в инженерные войска – ни ногой. А кто у нас военные инженеры? Как правило, нестроевые. И, судя по разговорам, нестроевые здесь в основном – нехристи. Литва, чухонь и прочие, кто в этом времени исполнял обязанности таджиков в оранжевых жилетках моего времени. Получается, если я не решу вопрос с крещением, попаду в нестроевые. Профессии у меня, как у того кожевенника, нет, а попадать в саперы... Хотя, казалось бы, будучи в инженерных войсках, можно будет прогрессорствовать и подавать всякие идеи из будущего... Но много ли я их знаю, этих идей-то? А вот мостов здешних видел уже изрядно, примерно с десяток.

Петербург наш отряд обошел стороной, Неву мы переходили где-то в среднем течении, на полпути между Шлиссельбургом и столицей. От переправы до Луги планировали идти еще три дня. В один из вечеров остановились на очередной почтовой станции, и после ужина, когда всех распустили отдыхать, я набрался духу поговорить с Фоминым.

– Господин ундер-офицер, разрешите обратиться!

Рекруты расположились на ночлег в обширной станционной конюшне, а Фомин воспользовался своей привилегией командира и снял комнату в трактире. А сейчас он сидел в столовой на первом этаже и пил чай. Да, чай! В это время он уже был. Стоил недешево, насколько я разобрался в местных ценах – дороже медовухи и пива, в одной ценовой категории с красным вином. Но – вот, пожалуйста. Сидит ундер-офицер и пьет горячий чай из большой глиняной пивной кружки. На столе – масляная лампа и какие-то бумаги, которые Фомин

при моем появлении перевернул текстом вниз. Прямо как в кино про Жеглова и Шарапова, надо же!

- Ну, обращайся. В кого обращаться будешь? В ворона али мышь летучую?

О, у господина ундер-офицера хорошее настроение. Шутить изволит, да вон бровь изогнул в ехидной усмешке.

- В православного, господин ундер-офицер!

- Вот как? - Фомин нахмурился.

- Тут такое дело... Мы же как в полк прибудем - нас к присяге приведут. А я некрещеный.

- Ты что, из жидов, что ли? Ну так это дело поправимое. Свидетеля тебе назначим да раввина найдем.

- Да нет! Не жид я!

- М-да? А может, с прожидью? Или чухонец? Для чухонца больно складно по-нашему брешешь. Ну так сие тоже не проблема. Найдем тебе поручителя из чухони, да дашь торжественный обет.

Фомин всем своим видом показывал, что не понимает, в чем проблема. Ну или недоволен, что я его отвлек от важных дел. Может, зря я накручиваю? Может, и нет проблемы-то?

- Не так все... Извините, господин ундер-офицер... Как бы так сказать...

- Да как есть и говори. Представься, кто ты есть, да доложи, чего хочешь. Чего рассусоливаешь-то?

Я на миг растерялся, но собрался с духом и выпалил по шаблону, любезно предоставленному мне Фоминым:

– Я, рекрут Ее Императорского Величества Серов Георгий Иванович, желаю принять православное крещение, дабы принять присягу воинскую по православному обряду.

Выпалил как на духу.

Фомин отставил в сторону кружку с чаем и с явным удивлением посмотрел на меня.

– Давай на всякий случай уточним, чтобы ничего не перепутать. Ты хочешь перейти в веру православную, так?

– Так точно!

– И хочешь принести присягу как новообращенный православный и стать солдатом. Все верно?

Я слегка растерялся.

– Ну да. А что-то не так?

Фомин неопределенно помахал рукой в воздухе, хмыкнул и ответил:

– Да нет, все нормально. Сделаем. Завтра будем проходить через Вырицу, там в церквушке и покрестим. Молитвы-то знаешь?

Я стушевался.

– Ну... выучу. Прочитаю да выучу.

Фомин еще раз хмыкнул.

– Грамоте обучен? Но не крещеный и не жид?

Я совсем растерялся.

- Ну так, учился немножко... Да что не так-то?

- Да все так. Ступай отдыхать.

Я повернулся и нетвердым шагом направился к выходу из трактира. Открывая дверь на улицу, быстро оглянулся – у Фомина было все такое же удивленное выражение лица. Поймав мой взгляд, он махнул рукой – иди, мол, и склонился над разложенными на столе бумагами, закрыв глаза ладонью в классическом жесте «фейспалм».

Не понимаю. Такое ощущение, что я опять что-то сделал не так и сотворил очередную глупость.

Глава 3

С крещением оказалось не так просто. Процедура оказалась не одноходовая. Это в мое время – приходишь в храм, платишь «пожертвование», тяп-ляп и готово. Здесь же какое-то время надо походить «оглашенным». Это вроде как кандидат в члены партии. Утром, пока отряд завтракал, Фомин отвел меня и Ефима в деревенскую церквушку. Крестить сразу священнослужитель отказался наотрез. Говорит – без подготовки нельзя. Ефим пробовал уговорить, мол, служивые люди, под Богом ходим, а вдруг чего случится... На что священник ответил, что по канону в случае смертельной опасности обряд крещения и мирянин провести может, так же как и исповедовать, провожая в последний путь. А раз пока никакой прямой угрозы жизни новообращенного нет, то надо, чтобы было оглашение. Да и Фомин как-то быстро с батюшкой согласился, на чем спор тут же угас.

Ритуал был для меня в новинку. Так-то я религиозные службы раньше только по телевизору видел. Да и то – те храмы, откуда велась трансляция на Пасху и Рождество, и близко не были похожи на эту маленькую деревенскую церквушку. Теремок, сложенный из бревен, с одной маковкой-куполом, не знаю, как они там называются. Звонница с небольшим колоколом да деревянный крест на куполе. Вот и вся церковь. Что там внутри, я особо не разглядел. Священнослужитель туда меня не пустил и весь ритуал провел в маленькой тесной прихожей перед входом в главный зал церкви. Не знаю, может, у них там ремонт или еще что? Ну

да ладно, им виднее, как традиции правильно соблюдать. Как-никак это их хлеб.

Батюшка велел снять шапку, перекрестил меня несколько раз, потребовал, чтобы я преклонил колени. Я встал было на одно, но Фомин шлепком стека подрубил второе. Мол, я не дворянин, чтобы на одном колене стоять. Людям подлого сословия полагается преклонять оба. Подлое сословие, о как! Прямо так и сказал, между прочим.

Священник раскурил кадило с какими-то желтыми кусками то ли пластмассы, то ли смолы и затянул долгую молитву. Потом коснулся моего левого плеча и спросил:

- Отрекаешься ли ты от сатаны?

- Отрекаюсь, - я отвечаю, как учили.

Батюшка продолжает молитву, потом снова:

- Отрекаешься ли ты от сатаны?

И опять. Дым из кадила уже разошелся по всему тесному помещению махонькой церкви. У меня закружилась голова, и все поплыло перед глазами.

Почему-то в памяти всплыл образ того толстого мужика из электрички. Он громко смеялся, вытирал жирными ладонями толстые губы с тараканьими усами и, довольный, хлопал себя по объемистому пузу. Потом он вдруг приблизил свое лицо к моему и заорал прямо в ухо, стараясь перекричать неожиданно громкий грохот электрички:

- Письмо я твоим родным отправил! Они за тебя не волнуются, для них у тебя все хорошо! А отсрочкой тебе не дадут воспользоваться, чай не ты первый такой умный. Так что даже не поднимай этот вопрос, понял? Знаю, что потом худо тебе с того будет, но так надо. Зацепка такая, понимаешь?

Я затряс головой. Ничего не понимаю.

- Надо так, вот что говорю! Слышишь?

- Не понял... не понял, говорю!

Тут мне на лоб с ощутимым шлепком опустился деревянный крест священника, и видение мужика из электрички рассеялось.

- Отрекаешься ли ты от сатаны?

- А? Уф... - я замотал головой. - Да, конечно отрекаюсь! На фиг он мне сдался!

Священник недовольно поморщился и побрызгал мне чем-то в лицо из небольшой миски. На удивление стало легче. Головокружение ушло, и вроде в помещении стало уже как-то не так душно, как в начале ритуала.

- Вставай, отрок, - батюшка был явно чем-то недоволен, - ступай. А я с твоим восприемником побеседую.

Ефим перекрестился. Он, оказывается, все это время стоял за моим правым плечом.

- Эта, святой отец... мне бы...

Священник недовольно поморщился:

- Ты что, латинской веры был, что ли? У нас на Руси говорят - батюшка. А святые отцы - они у латинян да лютеран всяких. Не наше это. И не твое, коли хочешь веру православную принять. Усек?

- Виноват! - блин, опять я глупость сморозил. Что ж у них тут все не как по телевизору показывали? Помню же, Аль Пачино в фильме «Крестный отец» говорил... или в другом каком-то? Запутался...

- Что хотел-то, отрок? - батюшка сделал нетерпеливый жест.

- Ничего, извините.

Он махнул рукой, крутанул меня за плечо и слегка подтолкнул в спину в сторону выхода.

Фомин стоял на улице и неспешно раскуривал трубку. Интересно, когда он выйти успел?

Через некоторое время появился Ефим с задумчивым лицом. Фомин подал нам знак идти за ним, развернулся и широким шагом направился к станции, в отряд.

Мы чуть приотстали от ундер-офицера, и Ефим заговорил. Тихо, лишь чуть громче, чем скрип снега под нашими башмаками.

– Батюшка сказал, что в церковь тебе надо ходить каждую неделю. А то рискуешь одержимым стать. Что-то нехорошее имеет к тебе интерес, – произнес Ефим и быстро, размахисто перекрестился. Пару шагов прошли в молчании, после чего он продолжил: – Раз уж я стал твоим восприемником, ты теперь для меня особенный. Потому уж не обессудь – бить тебя буду чаще, чем остальных. Ведь если буду тебе поблажки давать, ундер тебя сам на лоскуты распустит, только повод дай. Так что смотри у меня. Если вдруг в артели нашей какая незадача будет – сначала буду бить тебя, потом разбираться. Ежели какая тяжелая работа – ты первый, кого пошлю. Сам напросился, теперь не жалуйся.

Он, наверное, так шутит. Какой вдруг – бить? За всю дорогу от Кексгольма никого из рекрутов не били. Ну так, разве что пару раз. Меня вон после той неудачной шутки да еще пару остолопов, когда сани из ямы вытаскивали. Так их же за дело, у них же руки из задницы...

– Это, как бишь его... Ефим! А скажи, сколько меня оглашенным держать будут и почему сразу крестить нельзя? Когда крещение-то?

– А крещение, брат, примешь после присяги. Потому как матушка-императрица указ такой издала: всякий иноверец, переходящий в веру православную, получает отсрочку от рекрутской повинности или вовсе очередь свою другому передает. Ну там еще есть всякое, по мелочи, вроде как податей нет на тот же срок и еще какие поблажки, но в том я не шибко разбираюсь. Но суть такова, что после той твоей шутки Фомин думает, что ты просто от службы государевой уклониться хочешь.

Вот это да! Отсрочка от армии? Ну и создал я себе репутацию! Сначала в драке сдачи не дал, теперь вот за уклониста считают... Отлично себя поставил, прям герой! Теперь, небось, всю службу буду выгребные ямы чистить! Кстати, а они тут у них есть, ямы-то? Мы-то всю дорогу по-большому все как-то в сугробы ходим да снегом подтираемся, уж извините за такую интимную подробность.

Ефим тем временем продолжил:

- Присягу примешь под мое поручительство. После крещения примешь повторно. Да и я повторно присягать буду, когда мне галуны капральские в полку дадут. Положено так - присягаешь заново тому роду войск, в какой идешь служить, потом при каждой смене чина на чин присягаешь, ну ты понял. Пока ты оглашенный, я твой восприемник. Вроде крестного получаюсь. Буду учить тебя молитвам и всему прочему, что православный знать должен. Осознал?

Я молча кивнул. Ефим одобрительно крякнул.

- Далее, смотри, какая штука выходит. С происхождением твоим, значит. Ребята шепчутся, что ты байстрюк. От кого-то из дворян нагулян да пристроен жить в теплое место. Потому и воспитание у тебя не крестьянское, и говор нездешний да чудной. Но потом что-то пошло не так, и вот ты в солдатах. Не вздумай подтверждать эту догадку ни словом, ни еще как. Понял? Потому как, опять же, Фомин решит, что поблажек требуешь или еще как уклониться хочешь. Служи как все, служи лучше всех. А если ты и правда от кого из благородных, если вдруг тебя родитель твой в гвардейцы приедет забирать - ты к его приезду должен быть справным солдатом. А не забитым замухрышкой каким. Усек?

- Так это, Ефим! Ты ж говорил, бить меня будешь! Как я смогу не быть забитым, если сам говорил, что бить будешь?

- А ты смоги. Надо смочь.

Да ну, он просто страшит, небось. Нормальный же мужик, и говорит спокойно. Хотя... с таким же спокойным выражением лица он мне тогда в лоб засветил. Вообще в лице не переменялся...

За таким вот разговором у меня напрочь вылетело из головы видение мужика из электрички.

* * *

Этот бесконечный зимний поход по заснеженным просторам наконец-то закончился. Мы шли около двух недель. Все это время какой-либо бани не было, умывались снегом или холодной водой на постоянных дворах. Многие рекруты заболели. Человек двадцать оставили по дороге. Из тех, кто дошел до Луги, около половины надсадно кашляли.

Нас определили в часть города, которую можно было бы назвать военным городком. Длинные ряды деревянных ангаров, очень похожих на конюшни. Сейчас их использовали как казармы для рекрутов. Большая площадь – ее называли «плац» – для всяких торжественных построений и шагистики. Экзерции, если по-местному. А еще тут есть баня. Ну как – баня? Большое помещение, слегка теплое от одной печки, зато с кучей теплой воды, согретой в большом медном чане. Попариться в такой бане нельзя, но помыться теплой водой – можно.

Фомин огласил распорядок: сначала баня, бороды и усы сбрить, исподнее постирать. После бани нас осмотрит батальонный врач – лекарь, как его тут называют, – и цирюльники – это, наверное, по поводу внешнего вида. После осмотра распределят кого куда и сразу же приведут к присяге. Потому как пока не присягнул – ты посторонний человек для полка. А зачем оно надо – на посторонних еду тратить да спальные места предоставлять? Живут тут небогато, каждую крошку считают.

Помыться после такой дороги – это, скажу я вам, большое удовольствие. Праздник для тела. Парилки тут нет, конечно, о чем ребята из отряда изрядно ворчат, но вода согрелась хорошо, по ощущениям – градусов семьдесят. А вне помывочной – прохладно. Но если сразу насухо вытереться, то даже и терпимо. Мыла нет, есть зола, песок и какой-то странный порошок, который посыпают на вихорку, чтобы оттереться. Мылится плохо, но зато можно хорошо себя почесать. Грязи с себя смывалось много. Казалось, что «кусками отваливается» – это совсем не аллегория.

Пока мылись да отпаривались в теплой воде, обратил внимание на тела других ребят. М-да... щуплые, тощие, ребра торчат. Руки жилистые, ноги у кого-то уже с вздутыми варикозными венами. На спинах у многих шрамы, следы давнишней

порки. Ладони напоминают лопаты. Пальцы толстые, мозолистые. Такие я в нашем времени в основном у сварщиков видел. И едят они, видимо, весьма плохо. Лишнего веса и каких-либо мышц нет ни у кого. Исключение – Ефим. Вот он похож на качка, очень развитая мускулатура. Плечи, предплечья, бицепсы, трицепсы – как там оно называется, не знаю. Ну вылитый Шварценеггер в молодости. Только ноги обычные, да рыха рязанская – круглая, и нос картошкой. Ну да у меня тоже есть чем похвастаться. В парилке выяснилось, что у меня самые развитые и мускулистые ноги из всего отряда. Прямо аж гордость взяла. Все-таки футбол дал о себе знать.

На бритье пришли два армейских цирюльника. Ну и тот парень, что в Кексгольме кожевенником работал, достал откуда-то из своего мешка опасную бритву. «Аглицкая!» – гордо так похвастался. Интересное дело – затачивали бритву об ремень. Прямо так брали кожаный пояс, натягивали в струну и правили лезвие, потом брились. Так быстрее и удобнее. Побрили и меня. Повезло – и меня, и Ефима брил кожевенник из Кексгольма. Спокойно, аккуратно, я даже и не думал, что какие-то проблемы могут возникнуть. А вот тем ребятам, которых брили цирюльники, было тяжело. Лица красные, все в ссадинах и порезах, как будто наждаком выскобленные. М-да, бритье тут, оказывается, та еще процедура. А что делать? За бороды налог берут. Солдатам же бороды и вовсе не положены. Одна радость – щетина до трех дней тут считается побритостью. Так что морды к следующему бритью зарастут. Ну а мне надо срочно придумать какой-нибудь магарыч кожевеннику, чтобы бриться только у него. А в идеале – самому бы раздобыть опасную бритву. Аглицкую, ага.

Брили, кстати, только лицо и шею. Волосы трогать не стали. Здесь солдаты носят длинные волосы ниже плеч, забранные в хвост или в косу. А потом присыпают золой и какой-то пудрой.

– Зачем? – спросил я и показал вопросительно на одного из артельщиков, который на свои свежeweымытые и расчесанные вихры деревянной расческой аккуратно наносил смесь пудры и золы.

– От вшей помогает.

– А налысо побриться?

Ефим изумленно посмотрел на меня, а потом вдруг хлопнул себя по лбу.

– А-а, ты ж еще не стрелял из мушкета. Тогда ясно. Вот когда прижжет тебе кожу порохом горелым пару раз – поймешь. А пока смотри да мотай на ус.

Медосмотр был короткий. Выстроили нас нагишом в ряд, врач лет сорока от роду прошел вдоль строя, посмотрел на руки, колени, постучал по груди. Послушал дыхание через деревянную трубку. Где-то половину из тех, кто кашлял, вывел из строя. И еще одного парня из другой артели – его сразу выставили в сторону от всех. Доктор поставил диагноз как приговор – сифилис. Я вздрогнул, аж мороз по коже. Это как так?

– А вот так. Все, закончилась для парня служба. Да и жизнь, наверное, тоже.

Ефим был категоричен.

Да уж. Вот так вот запросто – сифилис. В одном строю с остальными. А мы с ним из одного котла ели, да и мылись вместе. А сколько тут еще разных болезней? Я украдкой осмотрел строй голых мужиков заново. И новым взглядом отмечал следы от когда-то перенесенной оспы, зарубцевавшиеся язвы от лишая на поясницах... Интересно, от скольких болячек я привит? Вроде мама постоянно в поликлинику таскала, все эти БЦЖ и прочее у меня сделаны.

После медосмотра нас осталось около сорока человек. И это от всей той толпы, что вышла из Кексгольма. Не знаю точно, сколько нас тогда насчитывалось, но колонна большая была, иногда растягивалась метров на двести.

С помощью нагретых камней и печки быстро сушили исподнее. Я и тут оказался не как все. Трусов здесь нет. Используют нательные рубахи и панталоны. Белого и серого цветов, в зависимости от исходного материала и степени застиранности. А у меня мало того что трусы семейные – это полбеды, за короткие панталоны сойдут, так еще и термобелье фирменное, черного цвета. Хорошее, качественное. Только вот в нем я заметно выделяюсь на общем фоне. Впрочем, я и так вряд ли остался бы незаметным.

Отдохнули, оделись. Очень хотелось есть, но еда – только после присяги. Жадные тут слишком, на чужаков еду переводить. А до присяги мы – чужаки. Интересно, а тех, кого по болезни отстранили и увели отдельно, их-то кормить будут? Они же тоже вроде как чужаки. Но их судьбой никто больше не интересовался. Увели и увели. С глаз долой, из сердца вон. Как-то это все не

похоже на дружную общину. Или всему виной наш неопределенный пока статус? Не знаю.

* * *

Вечерело. Закатное солнце подсвечивало красным низкие зимние тучи, легкий ветерок морозил свежевобритые щеки. Я стоял в строю на небольшой площади около церкви, подняв правую руку. На мое правое плечо положил свою левую ладонь Ефим, как мой восприемник, правую же тоже поднял, как и все остальные. Перед нашим строем стоял рослый бородатый поп в черных одеждах, а сразу за ним – ряд солдат и офицеров в военных мундирах. Колыхалось знамя. Полка, наверное. Хотя откуда тут, здесь же учебный батальон, а сам полк в другом месте. И знамя полка наверняка там. Блин, опять отвлекаюсь. Ну знамя и знамя, мне-то какое дело? Слушать надо, что поп говорит, и повторять за ним слово в слово.

– Аз нижеименованный обещаю и клянуся Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием, что хочу и должен... – на слове «хочу» я споткнулся. Что это? «Хочу» или что-то другое? Пофиг, продолжаем повторять за раскатистым голосом попа: – ...моей природной и истинной Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой Государыне, Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, и прочая, и прочая, и прочая...

Фух! Слава богу, не стали все регионы перечислять. А то, помню, попадался мне на глаза полный титул Николая Второго... Блин, опять отвлекся.

– ...и Ея Императорского Величества Высокому Законному Наследнику, Его Императорскому Высочеству, Благоверному Государю, Великому Князю, Петру Феодоровичу, который по изволению и Самодержавный Ея Императорского Величества власти определенным и к восприятию престола удостоенным Высоким Наследникам верным, добрым и послушным рабом и подданным быть, и все к Высокому Ея Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и прерогативы узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможностям предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить...

Еле-еле хватило дыхания все это выговорить без запинок. Даже на слове «прерогатива» не споткнулся. А поп нормальный такой! Он, похоже, на выдохе

весь этот текст своим речитативом еще полчаса без единого вдоха читать может. Так, стоп, кого он там назвал? Елизавета Петровна и Петр Федорович? Кто это? Блин, ничего не говорит. Что за Петр Федорович такой? Не помню такого царя в России. Был Петр Алексеевич и Петр Петрович... Продолжаем, не отвлекаемся мыслями!

– ...и при том по крайней мере старатися споспешествовать к Ея Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касатися может, об ущербе же Ея Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благоверно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися буду...

Как они тут любят всякие сисястые окончания. Старатися, касатися, тщатися... Определенно, по здешнему русскому языку я экзамен не сдам.

– ...когда ж к службе и пользе Ея Величества какое тайное дело, или какое б оно ни было, которое мне приказано будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит, и не будет повелено объявлять, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей определенный от времени до времени Ея Императорского Величества именем определяемым инструкциями и Регламентам и указам надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства и дружбы, ни вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя весть и поступать, как доброму и верному Ея Императорского Величества рабу и поданному благопристойно есть...

Блин, а ведь весь текст присяги – это одно-единственное предложение, без точек! И произносить это надо на одном дыхании! Елки-палки, да Лев Толстой просто гений кратких предложений, если со здешними сравнить!

– ...и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь!

Уф! Закончили. Аминь! Все ребята достали нательные кресты и поцеловали. Один я как дурак. Ефим поцеловал два раза. Один раз сказал «Аминь» и поцеловал, потом добавил: «За крестного моего Георгия – аминь!» и еще раз поцеловал, после чего снял руку с моего плеча.

Потом по одному, с левого края строя начиная, начали выходить к знамени. Фомин нам загодя объяснил, что делать надо: подошел, опустился на одно колено, поцеловал угол знамени, потом прошел дальше, к столику писаря. Там надо расписаться в присяжном листе. Я иду вторым, сразу за Ефимом, по ранжиру. Ну то есть по росту нас так построили. Ранжир, ага. Это от английского «range», что ли? Тогда почему рост? Блин, да что ж столько посторонних мыслей в голову лезет, торжественный же момент! Вон у ребят какие лица одухотворенные. Для них это явно целое событие. Новая жизнь начинается. Они теперь более не крестьяне, они теперь солдатского сословия. Другие права, другие обязанности, другие правила игры. Да что там игры? Всей жизни!

Так, бумага. Большой лист, формата на глаз эдак А3. Озаглавлен «Присяжной лист», чуть ниже четыре строчки мелким почерком неразборчивой вязи букв. Список имен. Писарь указывает мне мое, под номером два: «Георгий Серов». Ага, а выше под номером один – «Ефим Иванов». Оригинальная у моего крестного фамилия. А напротив фамилии даже красивая подпись. А не крестик, как у многих. То есть у нас в команде столько неграмотных? Хм... Беру у писаря перо, ставлю подпись, как в паспорте. С завитушками всякими. Стараюсь, чтобы вышло красиво. Смотрю в низ листа. Ага, а там дата стоит: 26 марта 1756 года от Р. Х. Запомним и подумаем на досуге, о чем мне это может говорить.

Дальше часть людей Фомин увел в казармы, а для остальных процедура продолжилась. Построенных в одну шеренгу бывших Кексгольмских ландмилиционеров выстроили в одну шеренгу, офицер прочитал им торжественную речь о производстве их в капралы, вручил какие-то желтые ленточки, и они начали приносить присягу заново. Традиция здесь такая – после изменения чина присягать по новой. Ну да, Ефим мне о том еще в Вырице рассказывал на той неделе. На этот раз каждый из новоявленных капралов читал присягу вслед за попом по очереди, а не все хором, как мы. Потом снова целование знамен. Сначала имперского, белого с черным двуглавым орлом и черными же уголками, потом второго, желтенького такого с красными уголками и крепостными воротами в центре полотнища. Непривычные такие знамена. Никаких тебе ровных чередующихся полос, сплошные узоры и рюшечки.

После присяги новоявленные капралы отправились в казарму, ну а мы с Ефимом потопали вслед за попом. Принимать крещение. Снова молитвы, снова «отрекаешься ли ты от сатаны», только на этот раз без видений. А затем – снова присяга, только я на этот раз один, без поручителя с восприемником. И на моей груди, под термобельем, на обычной тесемке висит маленький, аккуратный

деревянный крест.

Солнце уже давно село, а мы все без обеда. Очень хотелось есть и наконец-то отдохнуть, потому в казарму мы шли очень быстрым шагом, почти бегом. Правда, казарма – это я слишком пафосно назвал. На самом деле это двухэтажный деревянный амбар с большой кирпичной печью по центру. С земляными полами, деревянными нарами и без каких-либо перегородок. По сути – большой такой шалаш. Делали его явно на скорую руку и не особо заморачивались качеством да архитектурными изысками. Второй этаж – для старослужащих, потому как там теплее. Первый – для всех остальных.

То, что нам в котле оставили ребята из нашей артели, мы с Ефимом смолотили за минуту. Да, да, артель наша сохранилась, хоть и было нас тут теперь всего восемь человек вместо двенадцати, вышедших из Кексгольма. А потом – сюрприз! В честь принятия присяги каждому – чарку водки. Прямо там, в казарме. Два бойца в мундирах выкатили бочку в прихожую и прямо там налили. А мне – две, вторую в честь крещения. Новоявленным капралам – три. За звание и вторую присягу.

Местная водка мерзкая на вкус, кстати. Сильно отдает сивухой. И не то чтобы сильно крепкая, сорока градусов явно нету. Но на фоне усталости и весьма скромного ужина меня быстро разморило. Уже на автопилоте добрал до деревянной лежанки, которую мне указали ребята как мое место, и рухнул спать, наскоро укрывшись курткой. Отбой!

Глава 4

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Синево!

Электричка мерно загудела, набирая ход. Толстый пожилой мужик сидел напротив меня и чему-то улыбался в усы. Я быстро оглядел вагон. Странно. Люди были какие-то... ненастоящие, что ли. Больше похожие на растровые текстуры из старых компьютерных игр. Окно было покрыто узорами изморози, за которым – темнота.

Мужик явно чего-то хотел от меня. Вон как нетерпеливо вытирает о серый растянутый свитер свои жирные ладони, перепачканные в беляше, который он купил у разносчика, еще когда проезжали Сосново.

Ладно, раз он так хочет – то начнем разговор.

– Привет!

Оригинальное начало, не правда ли? Мужик будто этого и ждал. Заржал в голос на весь вагон, запрокинув голову и обнажив желтые некрасивые зубы с кариозными дырками. Ну вот, теперь все нормально. В том видении в Вырице он тоже так ржал. И в новогоднюю ночь тоже.

– Смешно тебе, да? Ну так расскажи мне шутку, толстый. Я тоже посмеюсь.

Почему-то захотелось спровоцировать конфликт. Странно. Вроде бы мы пили тогда, а я по пьяни веселый и добрый, в драки не лезу. Тут же почему-то взялся провоцировать. Что это со мной? Как-то он ненормально на меня влияет.

Мужик еще несколько раз всохотнул – напоказ, нарочно. Будто в телевизионном ситкоме. Потом вдруг резко успокоился и серьезным голосом произнес:

– А ты хорош, малец. В истерике не бьешься, не кричишь, мол, верни меня обратно. Не спрашиваешь, как жить дальше. Указаний не требуешь, наград всяких-разных тоже. Молодец! Из тебя выйдет справный рекрут. Отслужишь до седины в забытом Богом гарнизоне, а потом сморит тебя лихоманка и закопают в солдатской могиле. И никто потом даже не вспомнит, кто ты такой был и зачем жил. Прекрасный план. Изумительный, можно сказать.

Хех! Конфликт, походу, все-таки будет. Вон он уже к оскорблениям переходит. Скандалы – это я люблю.

– Тебе-то какая печаль, толстый? Живу себе и живу. Просто надо меньше бухать с незнакомыми, вот и вся мораль.

Давай, мужик, скажи мне какое-нибудь прямое оскорбление – и сразу получишь в рыло. В свое толстое, жирное мурло. Дай же повод, ну!

Мужик вытер жирной ладошкой свои грязные усы и продолжил таким же спокойным голосом:

– Все нормально, малец. Вживайся, адаптируйся, лишних вопросов не задавай. Не время нам с тобой сейчас о себе заявлять. Прогрессорством не занимайся, слышишь? Хотя какой из тебя прогрессор, чего это я... Но если внимание ненужное привлечешь – ничего хорошего не выйдет. Ты сначала узнай, как там оно все устроено, да научись всему. Учись справно, инициативу проявляй, не бойся устать, не бойся показаться дураком. Пока все идет хорошо, ты там, где и должен был оказаться. Где-то годик надо будет тебе прожить без приключений, понял? Слабы мы еще слишком, не хочу, чтобы соперник тебя раньше времени выстегнул. Ну а я твоим родителям буду письма слать, все как уговаривались. За это не волнуйся.

Хм, кажется, не будет конфликта. Вон какой добродушный сразу стал. Блин, и про родителей моих помнит. А я, если честно, за эти две недели о них и не вспомнил ни разу.

– А зачем это все? Что за игра, что за правила? Во что я играю, если, говоришь, мне предстоит сгинуть в гарнизоне от старости простым солдатом?

Мужик ухмыльнулся и провел ладонью по усам.

– Игра простая. Попаданцы, слышал такое? Ну так вот. В тот мир пришел попаданец, начал прогрессорствовать и менять историю. И, в общем, даже вполне удачно. Тот мир, в котором ты живешь, уже сильно отличается от того, из которого пришел попаданец. Только вот по правилам каждый из нас получил право ввести по своему игроку. Кто знает, может, кому и выпадет шанс создать свою империю. Вон, взгляни в окно.

Я послушно повернул голову и начал рассматривать узоры из инея на стекле. Снаружи темно, ничего не видно, да еще слепят глаза отражения вагонных лампочек. Кажется, электричка не по рельсам идет, а летит где-то в пустом грязно-сером пространстве. Вдруг что-то замелькало. Присмотрелся... Да ну, что за бред! Рядом летели то ли вихри снега, то ли полупрозрачные бледные привидения, будто из фильма ужасов. И скалили свои призрачные пасти, точно пытаюсь откусить от вагона кусок обшивки.

Тяжелая ладонь стальной хваткой легла мне на затылок и прижала к стеклу. Я дернулся было – да куда там! Мужик был явно недюжинной силы, я не смог пошевелиться даже на миллиметр.

– Смотри-смотри. Вот они, мои родственнички. Демоны, чьи игроки уже погибли. Вот они, духи не родившихся империй. Новгородская империя, Кишиневский султанат, королевство Выборгское... Да там наверняка есть и забытый дух первого «А» класса девяностой школы, который так и не смог захватить всю планету. И уже не захватит. Мне такой участи не надо, малец. Так что затаись до времени. Как там у вас говорят? Усек?

Он резко отпустил мою голову, и я отпрянул от окна.

– Усек, – я с облегчением выдохнул. – Кстати, а почему так говорят? Усек – странное какое-то слово.

– Вот высекут тебя разок плетьюми – перестанет слово странным казаться.

Мужик сбросил серьезное выражение с лица и снова заулыбался во весь рот:

– Но ты интересный малый, однако. Я тебе о судьбах мира рассказываю, другой бы сейчас попробовал все секреты бытия выпытать да вывести что-нибудь эдакое, а у тебя в голове только лингвистика. Ты что, гуманитарий, что ли?

И снова заржал. Да противно так. Втащить бы ему... Да не по себе как-то, уж больно у него рука тяжелая.

Электричку начало заволакивать серым туманом. Или зрение портится? Нет, и правда видимость пропадает. Дальний тамбур уже растворился, поглощенный серостью. Лицо мужика поплыло, будто нагревали восковую маску. Его голос доносился как сквозь тазик с водой, гулко и нечетко.

– В мире, откуда явился тот попаданец, Россия была уничтожена в 1799 году. Французами. Потому тот игрок и не помнит ее в своей истории. И не воспринимает всерьез. Ну как и ты не воспринимаешь всерьез государства адыгов или, к примеру, кабардинцев во время больших войн России с Персией или османами. Я не хочу сгинуть через полвека. Потому затаись до времени,

если выживешь – я свой шанс не упущу. Доживу до следующей большой игры.

При слове «игра» все перед глазами окончательно расплылось, и мужик тот уже казался не мужиком, а каким-то багровым осьминогом с торчащими из самых неожиданных мест клыками. Не очень приятное зрелище, надо сказать. Хорошо хоть, что все это быстро пропало в каком-то черно-красном водовороте.

* * *

Я проснулся от подступающей к горлу тошноты. Ни фиги ж себе сны! Или мы вчера закусывали чем-то несвежим? Надо встать да выйти из барака наружу, попробовать вывернуться в снег.

– Встаем, встаем, православные! – громкий, слегка осипший голос заставил шевелиться кучи тряпья, грудами разбросанные по казарме. А, нет, это не груды, это люди на деревянных нарах сбились кучами по три-четыре человека и спят, укрывшись несколькими армяками. Так теплее.

Где-то за стеной барака гулко частой дробью забили барабаны.

* * *

Система обучения здесь интересная. К каждому рекруту приставляется старый солдат, который и обучает всему. Экзерциям – это маневры такие, вроде строевой подготовки, – командам, сигналам, в перспективе – стрельбе... По идее, обучение должно происходить прямо в полках, и рекрут первого года службы долгое время таджичит в должности принеси-подай. Но в этом году армия готовилась к войне. А война – это что? Война – это в первую очередь марши и походы. Потому командир нашего полка, как, наверное, и командиры других полков, судя по численности народа в военном городке, принял решение всех старых и немощных солдат вывести в отдельный батальон, а сам батальон отправить в более-менее оборудованный населенный пункт. Рекрутов же усиленно гонять, чтобы к началу кампании они были готовы заменить старых солдат непосредственно в полку – в Риге или куда он там утопает к тому моменту.

Вроде ничего необычного, да? Ну армия, ну учебка, ну курс молодого бойца... Ага, щаз! Это в мое время было нормой. В этом времени отдельная учебка для масс рекрутов – это чуть ли не революционное решение для армии! По крайней мере, эта учебка в Луге и учебка в Великих Луках – первые в России. Ну так говорят, по крайней мере. Мне даже интересно стало, а почему так? Ведь вроде царь Петр потешные полки – будущие гвардейские Семеновский и Преображенский – сам обучал, значит, идея учебки не нова. Впрочем, это уже не моего ума дело. Факт есть факт: нас учили уже в некоем прообразе учебки, а тех рекрутов, что были до нас, подготавливали еще по старой системе. То есть чисто теоретически мы уже в ближайшее время сможем обогнать прошлогодних рекрутов по навыкам. Если не тупить, конечно.

По навыкам, ага. Я, кажется, слишком высокого мнения о себе в плане освоения местных военно-учетных специальностей. Но обо всем по порядку.

Наша рота – четыре десятка старых солдат и восемь десятков рекрутов. Из старых солдат десятков стоит в караулах, десятков – отдыхает, два десятка возьмется с нами. С особо тупыми старый солдат возится отдельно.

Я умудрился попасть в число особо тупых в первый же момент. Меня пару раз стегнули прутком с криком «что ты копаешься, как червяк в навозе!», после чего приставили ко мне персонального старого солдата. Который будет учить меня, тупицу эдакого, пользоваться одеждой. Ага, вот так. Одеждой.

Да, кстати, когда я говорю «старый солдат», я имею в виду, что солдат действительно старый. На вид Семену Петровичу было глубоко за полтинник. В армии он уже более тридцати лет, последние пять лет был при обозе ввиду совсем уж немощи. Ну или злоупотребления алкоголем. Потому как вид у солдата был откровенно пропитой. Ну, по крайней мере у меня сложилось впечатление, что пьянству он посвятил лучшие годы своей службы.

Так вот, одежда. Из своего мне разрешили оставить только исподнее. Остальное должно быть казенное, форменное, согласно артикулу. Артикул – это не наименование товара по ГОСТу. Я сначала не понял, что за слова такие – артикул воинский. Оказалось, все просто: устав.

Казенное, форменное – это что, собственно? А вот что. Нательное белье – рубаша и панталоны из какой-то не очень мягкой ткани, белого или светло-серого цвета.

Выдали один комплект про запас. Должны были два, но второй отняли, так как я пожелал сохранить свое фирменное термобелье. Далее – чулки. По сути – обычные футбольные гетры выше колена, только без резинок на голеностопе. Связаны из шерсти, явно машинным способом, на ткацком станке. На удивление удобные. Пожалуй, единственная удобная одежда здесь. Обувь. Дальний предок армейских берцев. Грубые башмаки с небольшим каблучком и очень жесткой подметкой, невысокое голенище, слегка прикрывающее щиколотку. Голенище застегивается на пуговицы. Стопу стягивают ремешком на пряжке. Ну это понятно, чтобы с размером не париться. Между чулком и башмаком повязывают портянки.

Поверх голенища этих недосапог до самого колена идут штиблеты. Я думал, что штиблеты – это такие желтые сандалии Остапа Бендера, а оказалось, что ничего подобного. Тут это такая штука, которую используют вместо голенища сапога. От ботинка до колена кусок грубой ткани оборачивается вокруг ноги и застегивается опять же на пуговицы. Грубая ткань здесь называется словом «сукно». Хотя, по мне, это тонкий войлок, сильно свалянный с внешней стороны и чем-то пропитанный. Пуговицами на внешнюю сторону – на этом Семен Петрович особенно заострил внимание, многозначительно подняв вверх свой заскорузлый указательный палец. Не, ну так-то логично, зачем мне пуговицы с внутренней стороны бедра? Ан нет, оказалось, внешняя сторона – это вбок, а некоторые умники пуговицами вперед штиблеты застегивают. Что недопустимо. Не знаю, зачем он этому посвятил целых пять минут своих наставлений. Видимо, у него с этим связано что-то личное.

Далее. Штаны. Их тут тоже называют словом «панталоны». Как различают панталоны, которые штаны, и панталоны, которые исподнее, я без понятия. Наверное, интонацией. Это такие длинные шорты, чуть ниже колена. На поясе крепятся пуговицами, а штанины, чтоб не болтались, закрываются чулками-гетрами.

Я уже запутался в этих названиях и пуговицах, но это было только самое начало. Дальше – камзол. Ну с этим просто – это такой китель. Для рубашки ткань слишком толстая, для куртки – слишком тонкая. Нечто среднее. Красного цвета, ниже колен, с рукавами до самого запястья. В штаны не заправляется, естественно. Здесь вообще в штаны ничего не заправляют, кроме нательного белья. Камзол тоже на пуговицах. По бокам разрешаетсяшить карманы, но этим я должен заморочиться сам. На шею повязывают черный платок, который должен скрывать ворот камзола. Заодно шейный платок используют здесь как

знаки различия. У нижних чинов он черный, у офицеров – разноцветные. Если у кого желтый шейный платок – беги от него как от огня, это очень высокое начальство. Платок нужен для того, чтобы шею не натирал воротник. Эдакая более простая версия белой подшивы моих современников.

Кафтан – это вроде шинели. Зеленая суконная куртка с кучей пуговиц и подвернутыми рукавами. Подвернутые рукава тут называют «обшлагги». Они для чего-то нужны, но я не очень понял зачем, а переспрашивать побоялся. Кафтан – зимняя форма одежды, летом его не носят. В камзоле и нательном белье достаточно тепло. Теоретически кафтан длиннополый, до пяток. Но по здешней моде полы кафтана подворачивают и застегивают сзади на пуговицы. Так и носить удобнее, и внешний вид получается экзотический.

Погон один, на плече. Что на камзоле, что на кафтане. Используется не как знак различия, а как хлястик, чтобы перевязь со шпагой или сумкой с плеча не соскользнула.

Лядунка. Это такая патронная сумка. Квадратная кожаная коробочка для ношения на ремне, куда вкладывается деревянная плашка с дырками. Туда вставляют патроны, которые берут из патронного ящика по команде ундер-офицера или каптенармуса. Это тоже какой-то личный момент для Семена Петровича, потому что его указательный палец не только был воздет к потолку, но даже гулко постучал меня по лбу. Хорошо, запомним. Заодно отметим, что тут есть патроны! Ура, не такое уж и дикое время! А то мне сначала показалось, что здесь ружья как в древние времена – которые со ствола заряжают отдельно. Патрон – это же магазин, обойма, лента, пулеметы? Ага, щаз. Семен Петрович показал мне патрон. Это просто бумажный кулечек, внутри которого порох и пуля.

На крышке лядунки – герб полка. У нас это овальная бляха, на которой выдавлена змейка кирпичной стены и решетка ворот в овале. То же самое я видел на втором знамени вчера на присяге. Хорошо, запомним.

Ремня нет, вместо него – пояс. В чем разница? Ремень – из кожи, а пояс – из ткани. Длинная такая полоса, на конце – кисточки. Кисточки – это тоже вроде знаков различия. Увидел золотые – в смысле, желтые – снова прячесь, это начальник. Завязывается это все хитрым образом с помощью пряжки. Пряжка тут вроде хитрого зажима. Круглая железная бляха с переключателем посередине. Пояс туда надо как-то продеть, потом поддеть, потом зажать... бррр! Пока начало получаться, Семен Петрович мне раз двадцать по пальцам прутком

стукнул. Уф!

Треуголка. Ничего так, нормальный головной убор. Обычная круглая шляпа, но у нее с трех концов поля подогнуты к середине. Получается красиво.

Теоретически эту штуку можно расстегнуть в случае дождя и использовать как капюшон... но нельзя. Потому что по краю треуголки нашита белая тесьма. Это тоже здесь знак различия, должен быть на треуголке всегда. А будешь расстегивать-застегивать – порвешь, потеряешь и получишь плетей.

На случай дождя здесь есть... та-дам!.. Епанча! Ух, какое слово! Епанча, ага! Прямо ругаться можно этим словом, такое оно сочное, зычное, прямо ого-го, а не слово! Епанча!

Тьфу, раскатал губу, экзотики мне подавай. Епанча – это обыкновенная плащ-палатка. Все как у нас – плотная ткань вроде брезента, пропитанная чем-то вроде олифы или лака, прорези для рук и два капюшона. Один просто на голову, а другой – большой, его можно накидывать поверх треуголки. Если нет дождя – большой капюшон просто аккуратно раскладывается по спине и плечам как длинный воротник. Ах да. Цвет у форменной епанчи васильково-синий, как фуражка энкавэдэшников из кино про войну. Если нет дождя, епанча сворачивается в рулон – его тут называют словом «скатка» – и носится через плечо.

Рюкзаков нет. Есть две сумки. Одна на правом бедре, другая на левом. Для всякого хлама – шило, сухари на перекус, кожаная фляжка емкостью в один стакан – ее тут называют словом «манерка». Ложка, еще всякие полезные мелочи. Все остальные личные вещи – в мешок и в телегу обоза. Нефиг с собой таскать такие вещи. Хм, то есть, получается, солдаты тут от телеги ни на шаг? Странно, ну ладно, замнем для ясности.

Перевязь для шпаги. Через плечо, под погон. Ах да. Шпаги тут выдаются не только дворянам, а вообще всем. Шпага – признак солдата. Но Семен Петрович сказал, что шпага – штука ненужная и бесполезная, потому ее носят только при парадных экзерциях, а в обычное время она лежит в обозе вместе с зимней одеждой, мешком с вещами и всем таким прочим. Но я, как рекрут, обязан ее таскать с собой всегда, молодой еще от лишней нагрузки избавляться. Шпагу мне, кстати, еще не выдали, только перевязь от нее. Ну да ладно.

Также на перевязь крепится штык от ружья. Его мне выдадут вместе с ружьем, но это попозже, когда я, олух царя небесного, смогу мундир надеть нормально, Господи, ну дадут же в обучение такого недоумка, даже одеться сам не может! Привыкай, барчук, тут у тебя слуг не будет! Давай сам, ручками, ручками!

Я упоминал шило? Мундир надо подогнать под себя. И камзол, и кафтан, и штаны-панталоны. А как? Подшить, ясное дело. Чем? Нет, не швейной машинкой. И не в ателье. Шьют тут шилом. Какая там на фиг иголка с ушком, о чем вы? Шило и наперсток. На конце шила небольшой крючок. С другой стороны ставишь наперсток, прокалываешь аккуратно ткань, продеваешь крючком нитку, вытягиваешь с той стороны, переворачиваешь. Повторить до бесконечности. Очень долго, муторно и неудобно. Особенно моими руками, заточенными под компьютерную мышку.

Весь наш рекрутский коллектив уже оделся, ушел на обед, потом на занятия шагистикой, потом на всякие работы, а я все осваивал шило. Пока Семен Петрович обедал, его сменил другой старик, хмурый и неразговорчивый. Зато любитель отвешивать затрещины, когда я в очередной раз ошибался. Кстати, делал он это на редкость ловко. Я пытался уворачиваться, но он молниеносным движением успевал меня достать. Пару раз я все-таки смог уклониться, не отрываясь от шитья, и даже краем глаза уловил в его взгляде уважение. Но затрещину все равно получал, пусть и парой секунд позже. Потом снова пришел Семен Петрович, и вместо мастера затрещин меня снова взялся поучать гуру заскорузлого указательного пальца. Хоть какое-то облегчение.

Голова гудела, исколотые шилом пальцы болели – я не сразу освоил дао наперстка. В животе бурлило, глаза слипались. Что-то мне как-то не очень нравится в армии, знаете ли. Тяжело в учении, легко в бою? Так я до учений еще не дожил. Я еще с мундиром воюю. Что там толстяк из электрички говорил? Большая игра, игроки, спрятаться, судьбы мира? Да легко. Пока враги ищут попаданцев, я тут спокойно в уголочке буду мундир тыкать шилом. На Армагеддон опоздаю немножко, зато буду выглядеть как справный солдат, ага. Потому что главное для солдата – это мундир. Спасать страну, мир и всю вселенную в неподшитом по фигуре мундире никак нельзя. Семен Петрович ерунды не скажет!

Экзерции – здесь так строевую подготовку называют. Я это уже говорил, да? Вот и мне этим словом все уши прожужжали. Видимо, оно очень нравилось наставникам. Солидно так звучит, по-взрослому! Так вот с этими самыми экзерциями у меня получалось на удивление хорошо. Все-таки годы занятия футболом сильно повлияли на мою координацию вообще и на умение правильно двигаться в частности.

Сначала учат поодиночке. Встает Семен Петрович рядом и начинает, кряхтя, показывать. А ты знай не зевай, повторяй. Да осанку держи, голову прямо, спину ровно. Ну, как и во всяком начальном обучении, ничего нового. Основных финтов немного. Поворот направо, поворот налево, прямо, стой. Шаг назад. Шаг вбок. Ну и все, в общем-то. Тянуть ножку, как на параде на Красной площади, не надо. Да и обуви еще нет для того, чтобы маршировать, печатая шаг. Зато самих шагов – целых три типа. Гусиный шаг – это когда шагаешь на расстояние собственной стопы. Потом нормальный шаг – аршин. Это чуть меньше метра. Длинный шаг – полтора метра, то есть два аршина. Для чего нужен длинный шаг, не объяснили. Я так думаю, это для перехода на бег или для выпада при ударе штыком.

Основные боевые единицы тут – шестерки и дюжины. Отделение – дюжина. Она же артель, она же шеренга. Взвод, он же капральство, – три шеренги, то есть тридцать шесть человек. Ну или двадцать четыре, потому как всем пофиг, две дюжины у тебя во взводе или три. Взвод, кстати, называют то взводом, то словом «команда». Говорю же – бардак!

Рота. Я-то думал, что это от тюркского слова «орта», эхо войны с татарами. Ага, щаз. Это очередной германизм. Немецкое «ротте» или «ротта». Отряд, толпа, группа. И произносится все в той же манере – когда буква «т» как бы разламывает слово пополам. «Рот-та!» Страсть как они любят в этом времени букву «т». Пихают ее где ни попадя. Ну прямо как мы в своем времени везде суем американизмы и англицизмы со всякими окончаниями «инг» и прочий там «ресепшн». Оказывается, английский язык не первый, который был зверски изувечен в России.

Ах да, еще про букву «т». Все старые солдаты во время обучения экзерциям взяли в руки длинные прутья. Гражданских здесь бьют обыкновенными прутами, а военных бьют военными прутами. Что такое военный прут? Это гражданский прут, но с солидным немецким произношением – «шпицруттен». Видимо, обычный прут имеет слишком скучно звучащую букву «т», потому к военной

службе не пригоден. Так что – шпицруттен! Так! Между прочим, это очень неприятно получить таким шпицруттенном по спине, да еще с оттяжкой, да с размаху... Даже сквозь камзол чувствуется. Для того и придумано, да-с... Вот еще, кстати. Эта манера добавлять букву «с» в конце слова – «да-с», «извольте-с» и прочее «прикольно-с, чувак-с!» – оно даже на слух напоминает немецкое «das», только произносится менее резко. Тоже заразное словечко. Да-с!

Одиночные экзерции я достаточно быстро сдал Семену Петровичу и Ефиму. А что там сдавать-то? Ничего особенного, чай не финт Мэтьюза с уходом влево да пасом на фланг в недодачу под инсайда. Вот там я да, помучился в свое время. Здесь же все просто, шагай себе и шагай.

Одному – да, просто. А теперь задачка посложнее: делать то же самое, но в строю. Когда меня посчитали «справным солдатом», нас, таких «справных», собрали в шестерки и начали учить делать те же шаги, но выдерживая линии. И вот тут-то ошибки поперли одна за другой! Ребята откровенно путались в ногах, сталкивались друг с другом и жестко тупили. После каждой ошибки «старики» лупили по спинам и ногам шпицруттенами. С размаху да со свистом. До самого ужина. И я получал. Потому что если сбился с шага один из шестерки – получают все. Хотя положи руку на сердце – когда один сбился, то другим тяжело удержать линию. То есть получается, что все сбиваются.

М-да... так дело не пойдет. После обеда офицеры и ундеры уходят по своим делам. Старые солдаты тоже разбегаются по квартирам, в наших эрзац-казармах за старших остается дежурная группа старослужащих, которая посвящает вечер пьянству, и наши капралы из бывших ландмилиционеров. Так что вечер у нас – свободное время. А значит что? Значит, мы с ребятами, пожалуй, перед ужином еще поработаем. И если получится – то и после ужина немножко. Чтобы побыстрее закончить эту экзекуцию со строевыми экзерциями.

С едой в этот день мне повезло. Завтракали все вместе, на обед я успел пораньше, потому как быстро сдал одиночные экзерции, да и с ужином все нормально было. Кашу слопал с удовольствием, заценил на второе местный заменитель картошки – репу. Своеобразный овощ, но с голодухи пойдет. Зато хлеб какой, ух! Настоящий, из муки сделанный, без всякой пластмассы и разрыхлителя.

Ладно, с обедом закончили. Наскоро вытер деревянную ложку тряпочкой, засунул ее в сумку на боку и решил-таки поднять вопрос о факультативном

занятии с той шестеркой, с которой меня сегодня гоняли по перестроениям.

– Слушайте, мужики, как спины, гудят? – решил я взять быка за рога в тот момент, когда еды в общем котле осталось на пару ложек.

Мужики хмуро кивнули. Хотя какие мужики? Как бороды с усами сбрили – так молодые парни, больше похожие на старшекласников. Ладони только взрослые, а лица – откровенно подростковые. Не мужики еще – так, ребятня. Пацаны дворовые.

– Есть у меня мысль, как вас быстро научить строевым экзерциям. Готовы попробовать?

Ребята посмотрели заинтересованно. Один из них, Сашка, рябой блондин из ладожских рыбаков, хлопнул своего соседа по плечу.

– Ну? Я тебе говорил? Вот видишь, барчук-то наш соображает кой-чего. И сам вон как лихо шагистику умеет, и, небось, офицерской какой премудрости от родичей нахватался. Давай, Георгий, говори, что делать надо!

Я аж засмутился слегка. С такой надеждой на меня посмотрели все пятеро, будто я им сейчас какую сокровенную истину скажу. Блин, надо как-то сбить градус пафоса.

– Сашка, полегче! Какой я тебе барчук Георгий? Я такой же, как и ты, рядовой рекрут первого года службы, пока еще никто и звать меня скромно. Это Ефим у нас поднялся по карьерной лестнице, и теперь его именовать следует не иначе как «господин капрал». А я пока еще просто Жора. Для тебя же и вовсе – Жорик. Чай не забыл, как ты меня учил костер на снегу разжигать сырой берестой. Впрок наука пошла.

– Да ну, – засмутился Сашка, – чего там... Какая наука? Так, игра детская!

– Вот! – я со значением поднял указательный палец. – Детская игра! Дети – они же все через игру постигают. Что, как да зачем. И мы с вами, значит, тоже сейчас в игру поиграем. Как насчет «собачки»? Играли? Правила знаете?

Игра! Казалось бы, обычное дело. Все дети играют в игры. В игрушки, в конструкторы, в планшет, телефон... Да еще в садике играют в прятки и догонялки. Ничего особенного вроде как, да? Ага, размечтался. В этом мире дети не играют. Здесь все всерьез, с самого рождения. Тут – работают. Всегда есть хлопоты по хозяйству. Ухаживать за живностью, ворочать сено, чтоб не сопрело, собирать хворост, перебирать зерно, собирать грибы и ягоды, драить домашнюю утварь... Здесь дети уже с трех лет заняты делом. И ставки запредельно высоки – каждую весну в деревнях голод, и в каждой деревне есть те, кто не пережил зиму. Старшие, если увидят, что дети балуются хотя бы теми же догонялками-салочками, тут же хлестанут их прутьями и погонят заниматься чем-нибудь полезным. В деревне работа никогда не кончается. Так что, по сути, детей-то здесь и нет вовсе. Есть такие же взрослые, только маленькие и пока еще немощные.

Собачка – замечательное упражнение в футболе. Четверо встают по углам квадрата, двое – в центр. Те, кто снаружи, перекидывают друг другу мяч. Те, кто в центре, – перехватывают. Перехватил – встал на край, потерял мяч – встал в центр. Эта игра быстро учит находить свое место на поле и взаимодействовать с партнерами. Собственно, весь футбол – это умение быстро найти тройки и четверки, с которыми ты будешь раскатывать мяч на данном участке поля в текущей игровой ситуации. Тактическое обучение начинающих футболистов всегда начинается с игры в квадрат. Ну вот я и подумал, что это упражнение может помочь нашим дуболомам-рекрутам быстро просчитывать ситуацию и находить свое место в строю. Как учить таким перестроениям, если не игрой?

Ага, наивный. Не учел менталитета здешних. Как я уже говорил, здесь не играют.

Правила парни поняли быстро. Вышли во двор, я скрутил тряпку узлом, сделав этакий шарик. Вот, мол, сейчас будем перекидывать из рук в руки, а вы, мол, перехватывайте.

И что вы думаете? После первого же броска началась драка. Я бросаю Сашке, тот не успел перекинуть тряпку дальше, как его плечом сбил с ног налетевший Ерема. Тудух! Сашка катится кубарем, Ерема торжествующе поднимает тряпку... На него тут же летит парень из другого угла, бьет обеими руками в спину и отбирает тряпку. В итоге свалка, двое из центра против троих из квадрата, уже через полминуты на ногах не стоит никто, все большой куча-мала катаются по земле.

М-да. Разнимаю, успокаиваю, поднимаю на ноги, объясняю правила еще раз. Это игра, ребята. Здесь надо перехитрить и грамотно сманеврировать. Успокоились. Вроде все поняли. Начинаем еще раз, на этот раз я выхожу в центр. Перехватываю летящую тряпку, и на меня тут же бросаются все четверо из квадрата, хватают за плечи, подсекают ноги и валят на землю. Ерема с удовлетворенным видом поднимает тряпку. И я бы понял, если бы у них на лицах была бы хотя бы радость – ура, мол, выиграла. Но нет. Все предельно серьезны, побледневшие губы плотно сомкнуты в ниточку, руки сжаты в кулаки, в глазах огонь. Они не играют, они как в последний бой – победить или умереть.

Твою мать... Поиграли в квадрат, блин. Встаю, отряхиваюсь, нахлобучиваю слетевшую с головы треуголку. Меняю состав и вижу в лицах то же самое – те, кто в центре, и те, кто в квадрате, смотрят друг на друга с яростью, чуть ли не копытом землю роют, готовятся к последней схватке.

– Парни, что с вами такое? Вы в игры никогда не играли, что ли?

Не играли. И батюшка деревенский им говорил: не играйте в игры, игры – от сатаны, а работа – от Бога. Азарт есть грех, ага. В кости да в карты проигрывают целые судьбы. Игры – зло. Есть работа, которую надо сделать, а не сделал – будут жестоко пороть. Потому как если не наказать нерадивого отрока – то весной голод...

Ладно, давай попробуем по-другому. Нас шестеро. Ставлю пять фишек на площадке, по команде выбегаем из линии, занимаем свободную. Кто остался последним – тот проиграл, в знак поражения кукарекает. Итог вполне предсказуем – снова слэм, прямо как на рок-концерте. Последний, которому не досталось фишки, летит плечом сбивать с ног того, кто уже занял место.

Разнимаю, получив в свалке от кого-то мощную затрещину. Успокаиваю. Нет, они не понимают, что не так. Для них вполне нормально – выполнить задачу любой ценой. Хотя... Я вдруг задумался. За те полчаса, что мы тут толкаемся да сбиваем друг друга с ног, никто из них не ударил другого кулаком. Идет либо толчок плечом в плечо, либо оплеуха раскрытой ладонью. А ведь кулачный бой здесь известен. Они умеют биться на кулачках. Вон как тогда Ефим бил – сжатым кулаком, накоротке. А здесь и сейчас – нет, никто из них кулаком не лупит. То есть... они все-таки играют? Просто у них такие правила? Ну-ка, проверим предположение...

– Так, парни! Кажется, для этой игры еще рановато. Может, давайте попробуем сыграть в «царя горы»?

Да! Такую игру они знают! И неплохо знают, однако. У них, оказывается, эта игра не простая кутерьма, как у нас, а целые тактические игрища. С хитрыми тактическими схемами и своим игровым жаргоном.

Горой у нас послужил небольшой стожок соломы. И вот тут-то я увидел у них нормальное командное взаимодействие. Оказывается, если на «царя горы» лезть одному – то он легко отобьет твою атаку, лишь на полшага уклонившись да поддав ногой в нужный момент. И полетишь ты кубарем мордой в грязь, весь облепленный соломой. Чтобы сбить «царя», нужна одновременная атака с трех сторон. И тогда тройка вместе с «царем» укатывается вниз, а четвертый свободно занимает «гору». Мы в свое время в эту игру играли бестолковее. Так что мне даже пришлось у них поучиться. В основном – тому, как именно команда выбирает, кто будет тем четвертым, что без боя заберется на гору. Тут оно идет не совсем по очереди. Ерема попытался было мне объяснить достаточно сложную систему, как подсчитываются заслуги в предыдущих атаках, да еще скорость... Но и он оратор так себе, да и я не сильно понял. Ладно, разберемся как-нибудь потом.

Но главное было сделано – мы смогли хотя бы начать разговор о том, в каком порядке перестраиваться своей шестеркой на экзерциях. Появились какие-никакие аналогии, мысли, идеи... Ну и фингал под глазом. Нет, это не от оплеухи. Это я когда со стожка сена кубарем летел – нашел скулой солидную каменюку под слоем мусора. Ну бывает, что уж тут. Сашка вон за бок держится. Как бы трещины в ребрах не было. Все-таки молодняк здесь весьма хилого телосложения.

А на ужин нам Ефим собственноручно сварил похлебку с мясом и капустой. И называлась эта похлебка – шти! Да, да! Не щи, как в мое время, а именно – шти! Я уже говорил, что местные просто обожают букву «т»? Вот у нас умные люди всякие домыслы строили на тему, что означает герб России. Двуглавый орел, одна голова на восток, другая на запад, это символизирует... это означает... подтекст, смысл, геральдика... Может, там, в будущем, оно и так. А здесь наверняка все проще. Тут, я так думаю, наш герб – это просто буква «т» с крылышками. Обязательно с крылышками, потому как надо успеть запрыгнуть буквально в каждое слово, что произносят от Камчатки до Петербурга. Шти! Это

надо же! Но ничего так, вкусно. И очень даже сытно, с голодухи-то да после целого дня физических упражнений... Сметаны в этих штях много. Сначала говядина тушится в сметанном соусе, а потом, когда уже варится бульон с капустой, все это опять заправляют сметаной. Ну и едят вприкуску с сухариками, которые тоже макают в сметану. Конечно, можно и с корочками, но с сухариками гораздо вкуснее. Свежего хлеба на ужин нет, потому как пекут его только поутру. Зато к ужину капрал расщедрился на штоф местной слабой водки. На шестерых здоровых парней вышло немного, чисто для аппетита, по чарке. И, как выяснилось, это очень хороший аперитив к щам. Штям. Блин, запутался уже. Пусть будет по-местному, к штям. Надо привыкать к здешнему диалекту.

Ах да, я тут так говорю – к ужину подали... Тут такое дело... Здесь нет столовой. И централизованного снабжения тоже нет. Как выяснилось, солдатам просто платят жалованье, и с этого жалованья они сами покупают себе еду и готовят ее. Как, где, в каких условиях – начальство это не волнует. Не маленькие, мол, разберетесь. Денег я местных не видел, все, что положено, в том числе и премия за принятие присяги, находится у нашего капрала, старшего артели Ефима. Он же по утрам бегаёт за покупками и закупается на завтрак, обед и ужин для всего капральства. Кашеварят вместе с одним из старых солдат в одном большом казане по очереди. Сначала на их капральство, потом – на наше. Давешний кожевенник из Кексгольма с еще несколькими молодыми соорудили в одном углу нашего сарая длинные столы и придумали скамейки из бревен. Вот, в общем-то, и вся столовая. Отдельные миски на каждого – это, походу, ноу-хау нашей партии рекрутов. Уж больно понравилось нам на той почтовой станции, где каждому своя тарелка была положена, потому при случае Ефим тут же обзавелся деревянными мисками на все капральство. Как и другие команды из тех, с кем мы вместе одним отрядом шли в Лугу. Остальные, насколько я понял, пользовались столовой-лайт – один котел, две-три ложки, ходящие по кругу, кто успел – тот поел. На обитателей других казарм мы косились с неодобрением. Впрочем, я думаю, это наставники сделали специально, для поддержания духа конкуренции. Вряд ли это особенности местного деревенского воспитания – когда наши всегда молодцы, а соседи уже не наши, а значит, и шляпы они носят неправильно, и куры у них несутся неверно, и козы у них тоже дуры. Просто во время ужина основная тема для разговора была позубоскалить над соседями. Какие они тупые и как у них все не так.

Последнюю пару ложек штей мы с ребятами по уже усвоенной нами солдатской традиции растягивали как можно дольше. Шкрябали по пустой миске хлебушком да неспешно обсуждали игру и завтрашнюю шагистику. Подсел Ефим:

– Ну что, братцы, рассказывайте, чего задумали да чего придумали. Вижу же, не просто так вы решили детские забавы вспомнить. Вон, все в соломе извалялись.

Парни переглянулись и дружно опустили глаза, будто устыдившись. Да, похоже, и правда тут взрослым в игры играть не принято. Ну ладно, возьму слово, раз все мне уступают.

– Господин капрал, мы тут днем в экзерциях тупили нещадно. В ногах путались, все такое... Вот я и подумал, как бы нам слаженность побыстрее освоить. Там, где я рос, игры очень помогали. Ну и это...

Ефим кивнул одобрительно.

– Это хорошо, крестник, что думаешь, как бы учебу справнее освоить. Семен Петрович, тебя, кстати, очень хвалил. Говорит, схватываешь все на лету.

Я смущенно улыбнулся, а Ефим продолжил:

– Тут такое дело... Слушайте, мужики, что я за сегодня узнать смог. Армию спешно готовят к войне. Не позже мая мы должны выступить в Ригу, в полк. К этому времени вы должны научиться как можно большему. Там, в полку, с вами сюсюкаться не будут. Обычно рекрутов старые солдаты гоняют где-то год-два, прежде чем в строй поставят. А до того они все больше в обозе да на хозработках, как нестроевые да молодые. Сейчас будет не так. У нас в полку, как вы знаете, стариков очень много. Заслуженные люди, побывавшие на свейской войне, что, считай, два десятка лет назад была. Да вот беда, возраст у них уже – сами видите. Потому они в нашем полку на обозе сидеть будут. А вас – в линию, как обученных. Кроме того, сейчас к войне в Петтербурхе спешно офицеров из немцев на службу берут. Полковник наш чужакам вроде противится, но все больше на словах. В обществе думают, что недолго ему осталось у нас в полковниках ходить. Умные люди поговаривают, что он хочет во Владимирский полк перевестись, который в Кексгольме остался. Дела у него там, в Кексгольме. Земля, мануфактуры... Некогда ему по войнам шляться. Да-с... Значит, офицеров нам все-таки навяжут. Немцев всяких или вовсе свеев. А у них, на Неметчине, так учеба поставлена: десять заповорей, а одного выучи. Потому в полку, ежели ротным нам иностранец достанется, пощады не жди. Это понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lankov_ivan/krasnye-kamzoly

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)